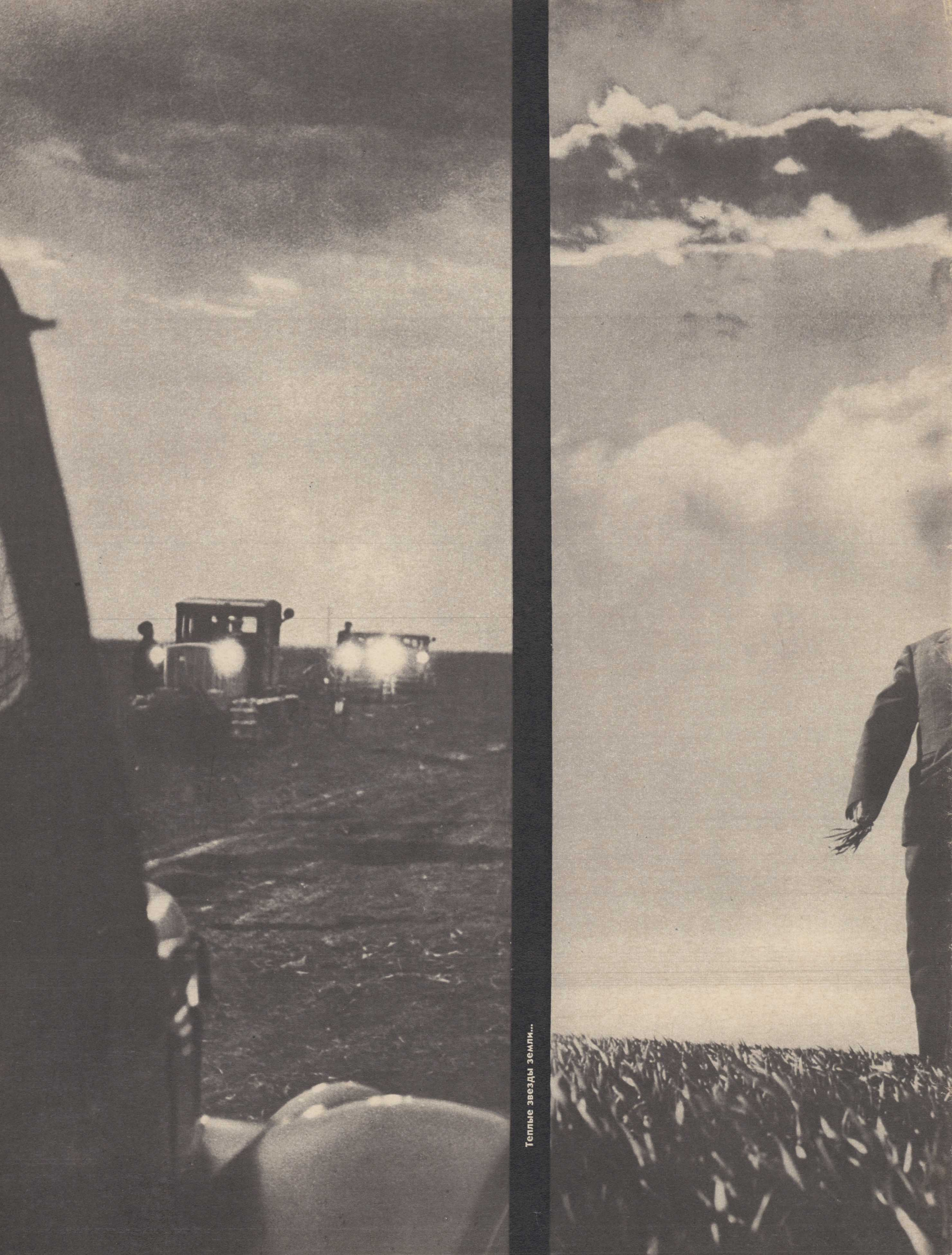

135
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 12 МАРТ 1976

Теплые звезды земли...

Делегат XXV съезда КПСС, первый секретарь Симферопольского райкома партии Ю. Г. Бахтин.

Нину Яковлевну Пелагенко встречали солнечные улыбки.

ДЕЛЕГАТЫ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

ВЕСНА

Николай БЫКОВ, Борис КУЗЬМИН, специальные корреспонденты «Огонька»

Синий крымский март до самого последнего времени дышал холодом. Еще в начале месяца мела снежная поземка в степи за Джанкоем, миндаль и не думал цвести даже на южных склонах гор, а ведь обычно в это время Крым всегда встречал и теплом, и первоцветом, и сочной зеленью озимых полей. Странная нынче здесь весна, необычная. Она заставляет агрономов с тревогой всматриваться в растения пшеницы и ячменя. И все же солнечные ветры делают свое дело: почки, лоза, пшеничные поля наконец-то зажили, задышали, пошли в рост. Только что были открыты затворы на голубой трассе Северо-Крымского канала, и живая вода устремилась к садам и полям.

Прекрасное настроение у тех, кто вернулся домой — на поля, в цеха, на фермы — с XXV съезда КПСС. В Москве шла напряженнейшая, но праздничная работа. И участники ее — будь то работница Ялтинского рыбкомбината Ольга Владимировна Шестакова или первые секретари райкомов партии Виктор Иванович Ильин, Валерьян Андреевич Шаптала, или пред-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2541)

20 МАРТА 1976

Ольга Владимировна Шестакова на родном берегу.

Рассказ о Москве. Председатель колхоза имени Крупской В. И. Черфас среди доярок.

седатели колхозов Валентин Иванович Черфас, Илья Абрамович Егудин — сосредоточенно аккумулировали тот заряд бодрости и целеустремленности, которым был ознаменован каждый день работы в Кремлевском Дворце съездов.

И вот они вернулись домой, делегаты крымских коммунистов. Их встречали цветами, расспрашивали о впечатлениях, о планах, о настроении. Нина Яковлевна Пелагенко из совхоза «Красный» сразу поехала к себе на бройлерную фабрику, где ее с нетерпением ждали подруги. Председатель орденоносного колхоза имени Крупской Валентин Иванович Черфас первым делом навестил доярок — был день 8 Марта, и Валентин Иванович поздравил женщин — операторов механизированной дойки, рассказал им сначала о съезде, о Москве, потом о новом строительстве колхозного поселка.

Два года назад, вот в такие же дни синего крымского марта, мы говорили с первым секретарем Симферопольского райкома партии Ю. Г. Бахтиным о решающих условиях дальнейшего развития колхозно-совхозной экономики. И тогда Юрий Георгиевич дал ясно понять, что Крым — он ведь разный. Есть более ста восьмидесяти тысяч гектаров, орошенных днепровской водой, и есть трудная земля степного центра, где сплошь неудоби, где поливных полей еще немного. «Необходимость второй очереди Северо-Крымского канала очевидна»,— говорил два года назад Ю. Г. Бахтин.

Юрий Георгиевич тоже удостоился чести быть избранным делегатом на XXV съезд КПСС. И вот новая встреча. Далась она нелегко, больно занят первый секретарь в эти дни. Телефонные звонки, просьбы выступить в печати, по радио, перед трудящимися. Работа по пропаганде решений съезда, его материалов предстоит большая, она не на день. И все же два-три утренних часа были нашими.

— С чем выйду к людям?— переспросил Юрий Георгиевич.— Вот записная книжка делегата. Почти всю исписал. Все главное — красными чернилами! Это примерные тезисы... Одно очевидно: Двадцать пятый съезд займет в истории страны особое место — как съезд, прошедший под знаком реализма и деловитости, спокойной уверенности в своих силах. И еще запомнились слова Леонида Ильича Брежнева из речи при закрытии съезда: нас, делегатов съезда, сравнительно немного — всего около пяти тысяч. Но тех, кто нас выбирал,— более пятнадцати с половиной миллионов. Так вот я непременно напомню товарищам, что Генеральный секретарь ЦК КПСС сказал далее: разрешите мне от имени съезда передать наш пламенный боевой привет всем коммунистам нашей страны, пожелать им успеха в их делах, в их планах, в их жизни.

Юрий Георгиевич говорил о том, что сейчас как никогда важно закрепить и сохранить тот душевный настрой, тот трудовой ритм, который был рожден в дни и месяцы предсъездовского соревнования. А достигнуто немало. Юрий Георгиевич был счастлив получить в Москве, в дни работы съезда, телеграмму: «Сообщаем вам, что задание двух месяцев первого года десятой пятилетки по продаже государству мяса, молока, яиц перевыполнено. Продано больше, чем за это время в прошлом году». Дальше шли хорошие цифры. А потом: «Желаем успехов в работе съезда...» Молодцы, не подвели — это о многом говорит, и прежде всего о деловой товарищеской атмосфере и в райкоме и в районе. Конечно, секретарю приятно. Ведь всем им, трудящимся Симферопольского района, удалось в минувшей пятилетке добиться нового продвижения вперед. Шутка сказать, не имея, как соседи, днепровской воды, хозяйства района получили, по существу, на неудоби, на богаре по 1262 рубля дохода на каждом гектаре. Это в среднем! А если взять гектар пашни, то он здесь дал в 1975 году более двух тысяч рублей. Каждый. Конечно, оговаривается Ю. Г. Бахтин, дает не столько сама земля — очень трудная, бедная питательными веществами, сколько забота человеческая о ней, о пашне, и вода артезианских скважин, и удобрения, и знания специалистов, и труд солнца. Достигли за последние годы главного — стабилизации урожая зерновых на уровне двадцати восьми центнеров с гектара. Это достаточно надежный плацдарм для движения к глубинным резервам экономики: грядет пятилетка КАЧЕСТВА!

— Что это значит?— задумался Юрий Георгиевич.— Прежде всего надо добиться качества экономики. Непривычно звучит? Привыкать надо. Планы, которые одобрил съезд,— это нелегкие, напряженные планы. Задачи, которые он поставил,— это очень серьезные задачи. Необходимо строгое долголетнее научное прогнозирование экономики. Никогда хозяйства района не производили столько мяса и молока, как сейчас. Но это близко к пределу. Нас особенно воодушевляет принятое решение о строительстве ВТОРОЙ очереди Северо-Крымского канала. Это даст центральному Крыму еще свыше трехсот тысяч гектаров орошаемых земель. Тогда наш район сможет дать обещанные сто тысяч тонн фруктов. Каждый второй гектар в Крыму будет обводнен. А союз солнца и людского труда довершит победу!

И еще мне запомнилось из послесъездовского разговора с Ю. Г. Бахтиным:

— Наступили будни. Будни. Мы хорошо знаем, чего достигнем к восьмидесятому году и даже к девяностому. Но сейчас одного этого знания мало. Даже мало одной той уверенности, что намеченное обязательно сбудется. Важно отработать пути ко всему намеченному, важно выбрать те технологии, которые сегодня наиболее экономичны, наиболее качественны, вот ведь в чем содержание будничной работы!

Весна сместила привычные сроки сокодвижения и цветения, развития озимых злаков. Но время берет свое. Без весны года не бывает! Будни нынешней весны особенно прекрасны, потому что они наступили после затянувшихся холодов и непривычного в крымских полях снега. Что ж, что миндаль не цветет, а вот птицы поют, значит, весна. Птицы любят синий март, когда им особенно поется. Песни — это их будни.

Митинг в депо Москва-Сортировочная. Фото В. Викторова

КРАСНАЯ СУББОТА — 17 АПРЕЛЯ

Стало славной рабочей традицией — в честь дня рождения В. И. Ленина выходить в одну из апрельских суббот на труд самоотверженный, на труд коммунистический. Вот и в этом году по стране летит клич передовых рабочих коллективов Москвы — провести 17 апреля, в канун 106-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича, коммунистический субботник. Первым на митинг собрался коллектив локомотивного депо Москва-Сортировочная, где весной 1919 года родился Великий почин. Рабочие решили: принять активное участие в коммунистическом субботнике.

На митинге выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Он поблагодарил славный коллектив за ценную инициативу, пожелал железнодорожникам новых успехов в труде на благо Родины, великого дела строительства коммунизма.

Принять активное участие в общемосковском коммунистическом субботнике решили на митингах и коллективы Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича, автомобильного завода имени И. А. Лихачева, обувной фабрики «Парижская Коммуна», автобазы № 1 Мосстройтранса, домостроительного комбината № 2.

ВСТРЕЧА Н. В. ПОДГОРНОГО С МОХАМЕДОМ СИАДОМ БАРРЕ

11 марта состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с президентом Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики Мохамедом Сиадом Барре.

Во время беседы Н. В. Подгорный и Мохамед Сиад Барре обменялись мнениями по важнейшим международным проблемам, о положении в Африке, в национально-освободительном движении, а также по вопросам двусторонних отношений.

Встреча прошла в духе взаимопонимания, в сердечной и товарищеской обстановке.

Во время встречи.

Фото В. Кошевого (ТАСС)

У НАС ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Карой Немет, член Политбюро ЦК ВСРП, секретарь ЦК ВСРП, отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Н. Ивановой.

Товарищ Немет, вы неоднократно бывали в нашей стране. На съезде Коммунистической партии Советского Союза вы присутствовали впервые. Ваше мнение о работе XXV съезда КПСС?

В эти дни мы были свидетелями большого, откровенного, содержательного разговора о главных направлениях жизни страны и событиях в мире, разговора, в котором приняли участие партийные деятели, рабочие, колхозники, представители интеллигенции. Очень серьезно, с огромной верой в будущее выступали делегаты, обсуждая Отчетный доклад Центрального Комитета партии, сделанный Леонидом Ильичом Брежневым.

Наша венгерская делегация во главе с товарищем Яношем Кадаром с глубоким вниманием и полным одобрением выслушала этот доклад, разделяя радость советских коммунистов, всего народа по поводу достигнутых успехов. Отчетный доклад свидетельствует о больших достижениях в строительстве коммунизма. С чистой совестью советские люди могут смотреть в глаза народам всего мира: в результате последовательной борьбы КПСС на международной арене улучшились возможности укрепления мира.

На нас произвели неизгладимое впечатление работа съезда и особенно Отчетный доклад, в котором дан замечательный марксистско-ленинский анализ жизни советского народа и событий, происходящих в мире, а также определены задачи борьбы за мир, международное сотрудничество и намечены вдохновляющие перспективы строительства коммунизма. Поленински творческий доклад отобразил действительность во всей ее сложности и многообразии.

Когда Отчетный доклад появился в печати, наша центральная газета «Непсабадшаг» разошлась тиражом в миллион экземпляров (в обычные дни ее тираж — 700 тысяч). Это значит, что каждая венгерская семья в дни работы съезда КПСС получила возможность ознакомиться с докладом.

В искреннем интересе, который проявляют граждане Венгерской Народной Республики к решениям высшего форума советских коммунистов, нашли отражение истинная дружба и уважение, которые испытывают венгерский народ, венгерские коммунисты к нашему освободителю — Советскому Союзу, его ленинской Коммунистической партии. Мы с радостью можем констатировать: наши всесторонние и взаимовыгодные связи плодотворно развиваются. Единым фронтом, в полном единстве с советскими братьями мы ведем борьбу и на международной арене.

С трибуны XXV съезда КПСС Первый секретарь Центрального Комитета Венгерской социалистической рабочей партии товарищ Янош Кадар сказал, что «прошлое Советского Союза является великим историческим уроком, его настоящее — примером для подражания, а будущее — блестящей перспективой для народов мира».

К этим словам товарища Кадара могу только добавить, что произнес он их от сердца всего нашего народа. Нас сплачивают непобедимые идеи марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма. И, пользуясь случаем, я вновь подчеркиваю: венгерские коммунисты убеждены в том, что пробным камнем пролетарского интернационализма является отношение к Коммунистической партии Советского Союза, к Стране Советов, строящей коммунизм.

Главный вывод, который делаем мы после завершения XXV съезда КПСС, заключается в том, что в политике братских партий наших стран — полное единство взглядов по всем принципиальным вопросам. Мы высоко ценим взаимное согласие, наше единство и видим в нем новое подтверждение того, что идем по правильному пути. Мы исполнены твердой решимости и дальше плечом к плечу с Коммунистической партией Советского Союза, с братским советским народом двигаться вперед к общей исторической цели.

Что вы можете сказать о международном значении прошедшего съезда?

Мировая общественность всегда с особым вниманием следит за съездами Коммунистической партии Советского Союза. Небывалый интерес, проявляемый к нынешнему съезду, отражает тот факт, что наша братская партия — КПСС, является самой сильной и опытной коммунистической партией мира, руководящей силой Страны Советов, которая идет в авангарде всего мирового общественного прогресса. Первое социалистическое государство с первых дней своего существования оказывает бескорыстную помощь всем народам, борющимся за социализм, национальную независимость, свободу и мир. СССР представляет собой важнейшую для них опору.

Провозглашенная XXIV съездом КПСС Программа мира, необходимость дальнейшего последовательного осуществления которой подтвердил XXV съезд, отвечает стремлениям свободолюбивого и миролюбивого человечества. С этой неоспоримой реальностью вынуждены считаться агрессивные империалистические круги.

Десятая пятилетка, задачи которой обсуждал съезд,— пятилетка созидательного труда. И это — лучшее доказательство того, что политика Советского Союза направлена на сохранение мира.

Бесспорно, народы кровно заинтересованы в сохранении мира. Но бесспорно и другое: у благородного дела его защиты еще немало врагов. Среди них — китайские руководители, которые дудят в одну дуду с агрессивными империалистическими силами.

УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ

Корреспондент «Огонька» В. Дунаев встретился с Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Греции товарищем Харилаосом Флоракисом, возглавлявшим делегацию КПГ на XXV съезде КПСС, и попросил его поделиться впечатлениями о работе съезда, рассказать о борьбе греческих коммунистов за демократию и прогресс.

— На съезде царила, сказал Х. Флоракис, деловая, товарищеская обстановка, в Отчете ЦК КПСС дан глубокий анализ деятельности Коммунистической партии. С огромным вниманием мы выслушали доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Содержание доклада показывает, что ЦК КПСС последовательно и твердо проводит политику, основанную на принципах пролетарского интернационализма, защиты социализма. В Отчетном докладе ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев дал глубоко научный анализ внутренней и внешней политики Советского Союза. В докладе разработаны новые положения, являющиеся дальнейшим развитием Программы мира. Тем самым сделан новый шаг вперед в деле упрочения мира, углубления разрядки. Доклад товарища Л. И. Брежнева полон динамизма, уверенности в светлом будущем советского народа и всего человечества. Ведь роль КПСС в международном коммунистическом движении, авторитет и могущество СССР как оплота мира общеизвестны.

В настоящее время в Греции идет борьба по целому ряду принципиальных вопросов, касающихся дальнейших путей развития страны. Будет ли поставлен барьер произволу монополий в стране и будут ли произведены дальнейшие демократические преобразования? Мы за то, чтобы эта тенденция возобладала. Вторая тенденция отражает интересы буржуазии, которая стремится сохранить старый порядок, стремится укрепить позиции господствующего класса. В Греции, как известно, произошла смена власти — свершился переход от диктатуры черных полковников к буржуазному правительству. Борьба греческого народа против военной хунты, а также авантюристическая политика самих черных полковников, как, например, их происки на Кипре, привели военную хунту к банкротству.

После того как фашистская хунта в Греции пала, в стране был восстановлен буржуазный парламентаризм, вышли из подполья и были легализованы политические партии и организации, запрещенные в годы диктатуры. После 27-летнего запрета греческие коммунисты получили возможность действовать открыто. Волею народа упразднена монархия и в стране утвердился республиканский строй. Однако все перемены после событий 1974 года носят ограниченный характер. Государственный аппарат не очищен полностью от представителей хунты. Сильны позиции пронатовских элементов. Господствующее положение в экономике занимают местные и иностранные монополии. Главные проблемы, стоящие перед Грецией, такие, как освобождение от иностранной, прежде всего американской, зависимости, проведе-

Мы целиком и полностью согласны с советскими коммунистами: необходимо давать отпор и разоблачать чуждую марксизму-ленинизму маоистскую политику нагнетания военной напряженности. Политический курс Пекина, смыкающийся ныне с позицией самых крайних антикоммунистов и антисоветчиков, направлен и против народной Венгрии, ведь маоизм стал резервом сил империализма в борьбе против всей мировой социалистической системы.

Мы уверены, что XXV съезд КПСС, наметив пути для дальнейшего продвижения вперед советского общества, окажет плодотворное воздействие на все международное коммунистическое и рабочее движение.

Представительный форум, прошедший в спокойной и уверенной, конструктивной и товарищеской атмосфере, безусловно, явится новым крупным вкладом в теорию и практику строительства коммунизма. Из богатейшей сокровищницы советского опыта черпаем и мы, венгерские коммунисты. Мы будем изучать и опираться в своей работе на решения исторического XXV съезда КПСС.

От всего сердца желаю читателям «Огонька», всему советскому народу, руководимому ленинской Коммунистической партией и ее Центральным Комитетом во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым, успешно выполнить решения съезда на благо своей Родины, социалистического содружества и всего прогрессивного человечества.

ние подлинной демократизации, укрепление национальной независимости, остаются нерешенными. Правительство К. Караманлиса заявило о том, что Греция выходит из военной организации НАТО. Это серьезный шаг, нанесший чувствительный удар по Североатлантическому союзу. Но этого шага недостаточно. Компартия требует полного выхода Греции из НАТО, ликвидации всех созданных на греческой земле военных баз Североатлантического блока и Пентагона.

Мы считаем невозможным восстановление демократии в Греции без освобождения от американского влияния. Поэтому борьба за демократию носит и антиимпериалистический характер. Демократическое решение этих и других жизненных проблем может быть достигнуто в результате активизации деятельности всех национально-патриотических, демократических сил и их тесного сплочения.

ДЕЛЕГАТЫ XXV СЪЕЗДА КПСС ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

Павел Иванович Новожилов со своими товарищами по работе Валерием Дмитриевичем Воронцовым и Николаем Михайловичем Дрожжиным.

РИТМИЧНЫЙ ПУЛЬС СТРАНЫ

П. И. НОВОЖИЛОВ, машинист-инструктор локомотивного депо Лихоборы Московско-Окружного отделения ордена Ленина Московской железной дороги, депутат Верховного Совета СССР

Признаюсь, я очень волновался, когда меня избрали делегатом XXV съезда КПСС. Доверие товарищей всегда радует и поднимает человека, но и ко многому обязывает. Так и в малом и в большом. Но оказаться в числе тех, кого коммунисты избрали на свой съезд, — тут положение особое.

До начала утренних заседаний в Кремле я иногда успевал забежать в депо, благо живу рядом. Моя четвертая колонна, где я работаю машинистом-инструктором, в те десять дней и без меня бы, понятно, не осиротела, но, во-первых, привычка, а во-вторых, была такая у людей потребность — встретиться со своим товарищем-делегатом. Придешь — окружат, забросают вопросами. А 26 февраля собрались на митинг — это был мой первый публичный отчет.

Спрашивал себя: почему такая острая, прямая заинтересованность? И ответ нашел быстро: потому что большие проблемы, которые решал съезд, каждый принимал как что-то личное, соразмерял со своей конкретной работой. Я почувствовал это на себе, когда слушал Отчетный доклад ЦК КПСС, с которым выступил Леонид Ильич Брежнев. Например, он сказал, что запроектированные показатели развития народного хозяйства в десятой пятилетке намечается достигнуть с меньшими, чем в девятой пятилетке, темпами роста капиталовложений, что партия полагает целесообразным пойти на это, так как считает важным перенести упор на более полное использование действующего оборудования, созданных мощностей. А я слушал и примерял это к нашему депо. У нас тепловозы Т-3, выпуска еще начала шестидесятых годов. Но они не устарели, машины сильные, надежные. Менять их на новые нет нужды. Поэтому депо могло смело взять на себя обязательство в первом году начавшейся пятилетки на основе полного использования мощности тепловозов и широкого распространения опыта лучших машинистов перевезти в тяжеловесных поездах 3,2 миллиона тонн грузов, снизить себестоимость перевозок на 0,3 процента против планового задания, сэкономить 180 тонн дизельного топлива. Товарищ Брежнев говорил, что в десятой пятилетке примерно 90 процентов прироста промышленной продукции должно быть получено за счет повышения производительности труда, а я вспомнил, что в депо на 1976 год намечено повысить производительность на 0,6 процента выше запланированной.

Вроде бы ничтожные величины — 0,3 или 0,6 процента. Но ведь и наше Лихоборское депо в масштабах всего Советского Союза тоже почти неприметно. А если сложить все вместе, получится огромный экономический эффект.

Настроение у людей боевое, рабочее. Кадры у нас крепкие. Молодым есть у кого учиться, на кого равняться. Каждый найдет на своем месте какие-то резервы, чтобы подняться выше. Уверен, например, что такие наши машинисты, как Юрий Иванович Лифанов, Александр Григорьевич Коротченко, Владимир Иванович Батурин, Иван Емельянович Третьяков, хотя и добились уже, кажется, самых высоких результатов, все же сумеют изыскать новые возможности для улучшения своих показателей.

Наша профессия строгая, требует особо жесткой дисциплины, но зато раскрывает перед человеком много такого, чего он на другом месте никогда бы не увидел, не почувствовал. Железнодорожникам, может быть, как никому другому, видна и понятна жизнь всего огромного народного хозяйства. Недаром ведь железные дороги называют стальными артериями страны. Мы, если дозволено так выразиться, слышим, ощущаем ее пульс. Он ритмичный и очень хорошо наполненный.

В потоках многообразных грузов, перевозимых по железным дорогам, верно и точно отражаются перемены, происходящие в советской экономике, ее стремительное развитие и рост. Если взять, скажем, какую-нибудь одну дорогу, ведущую на запад, через границу, и посмотреть, что везут машинисты, мы обнаружим в вагонах и на платформах станки, автомобили, различные приборы, часы, фотоаппараты, тракторы, генераторы, турбины, буровое оборудование. Еще лет двадцать назад такой набор грузов, предназначенных для экспорта, представлялся невероятным, а сегодня это обыденная вещь. Значит, хозяйство наше завоевало очень высокие рубежи.

Фундамент для десятой пятилетки построен прочный. Теперь надо сообща как следует поработать. Все, что намечено, сделаем.

ПРЕСТУПНИКИ И ПОДСТРЕКАТЕЛИ

Мэлор СТУРУА

Недавно в Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН, состоялось экстренное заседание Комитета по связям со страной местопребывания организации — США. Заседание было созвано по просьбе представительства СССР при ООН в связи с преступной провокацией, имевшей место 27 февраля.

Что произошло в этот февральский день? Рассвет еще не забрезжил над Нью-Йорком, когда в 2 часа 45 минут по 19-этажному жилому зданию сотрудников представительства СССР при ООН в Ривердейле, расположенном в районе Бронкса, было произведено несколько выстрелов из огнестрельного оружия. Одна пуля, разбив стекло вестибюля здания, просвистела мимо сотрудника представительства, несшего в ту ночь дежурство. Это был уже третий случай, когда подвергались обстрелу здания, в которых живут и работают советские люди в Нью-Йорке. Я был свидетелем первой подобной провокации. Пули пробили окна квартиры сотрудника представительства. Дети, находившиеся в попавшей под обстрел комнате, к счастью, не растерялись и легли на пол.

Через день после террористического акта, 29 февраля, на этот раз у здания представительства СССР при ООН (угол 67-й стрит и 3-й авеню), состоялась демонстрация хулиганствующих элементов, которые грозили физической расправой работникам представительства, грозили похищениями, бросали камни в людей и здание, выкрикивали провокационные лозунги антисоветского содержания. Стрельба в ночь на 27 февраля и демонстрация 29 февраля, к сожалению, не исключительные происшествия, а, можно сказать, «быт» советских людей, проживающих в Нью-Йорке. Только за прошлый месяц антисоветские демонстрации и другие провокационные акты (в одном из них участвовал даже вертолет) состоялись 12, 16, 18 и 24 февраля.

Как справедливо подчеркивалось в заявлении МИД СССР, сделанном 3 марта послу США в Москве, происходящие в последние дни одна за другой грубые провокации и бандитские акции в отношении советских учреждений и советских граждан в Нью-Йорке указывают на явно спланированный противниками улучшения советско-американских отношений характер враждебной кампании против Советского Союза. Организаторы и исполнители подобных акций и не думают скрывать свои цели. Некий Рассел Келнер, член ультрареакционной сионистской организации «лига защиты евреев», прямо заявил, что он солидарен с теми, кто стрелял 27 февраля в советских людей, ибо хорошо все то, что «противодействует процессу разрядки с Советским Союзом». Яснее не скажешь!

У провокационной деятельности сионистских молодчиков и антисоветчиков иных мастей есть одна весьма настораживающая особенность. Речь идет не о каких-то «таинственных злодеях», которых невозможно обнаружить, поймать и наказать по заслугам, а о людях, хорошо известных местным властям. Ведь эти молодчики не только не заметают следы, а, наоборот, пытаются, так сказать, намеренно оставить свой «автограф». Стрельба в ночь на 27 февраля также не составила исключения. Буквально через час после совершения террористического акта редакции нью-йоркских газет были уведомлены, что это — дело рук организации «еврейское вооруженное сопротивление», то есть опять-таки сионистских ультра. За пять лет работы в Нью-Йорке я помню десятки случаев, когда хулиганов ловили для проформы, отпускали под залог, а до суда дело так и не доходило. Наиболее вопиющий пример — главарь «лиги защиты евреев» Кахане.

Итак, налицо преступление без наказания; бездействие, которое граничит с попустительством. Лишним доказательством этого стал взрыв, произведенный «неизвестными лицами» в ночь на 9 марта у здания Аэрофлота в Нью-Йорке.

МИД СССР заявил решительный протест в связи с непринятием американской стороной эффективных мер для обеспечения безопасности советских учреждений и их персонала в США и подчеркнул, что вся ответственность за последствия этого ложится на правительство США.

В ноте протеста Советского правительства правительству США от 28 февраля справедливо указывается: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что американские власти, несмотря на неоднократные обращения советской стороны, до сих пор не приняли должных мер для пресечения террористических акций — покушений на жизнь и безопасность советских граждан, сотрудников официального советского представительства и членов их семей».

Фактическое попустительство со стороны американских властей подобным преступным действиям находится в вопиющем противоречии с обязательствами, принятыми на себя Соединенными Штатами по конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН и соглашению между ООН и США о размещении штаб-квартиры ООН. По этим соглашениям США обязались обеспечивать надлежащие условия работы и безопасности иностранных представительств и их персонала.

Советское правительство заявляет решительный протест правительству США по поводу террористического акта в Ривердейле 27 февраля, являющегося грубым нарушением элементарных норм международного права. Правительство СССР ожидает наказания виновных и принятия со стороны США действенных мер для недопущения подобных случаев. Всю ответственность за последствия непринятия таких мер будет нести правительство США».

Опасной эскалации враждебной кампании, развязанной в последнее время определенными реакционными элементами в отношении представительства СССР при ООН и других советских учреждений в Нью-Йорке, должен быть положен конец. Тем, от кого это зависит, пора переходить от выражения сожалений к более эффективным шагам. Этого требуют и элементарные нормы международного права и простой человеческий гуманизм. Этого требуют, наконец, интересы мира и сотрудничества народов, ибо преступные акции, о которых говорилось выше, наносят ущерб советско-американским отношениям.

1

Выставка советской книги, посвященная XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза, была организована в зале конгрессов города Котону (Народная Республика Бенин). На ней представлены труды классиков марксизма-ленинизма, политическая, художественная и детская литература, учебники, монографии по искусству, периодические издания. Выставка пользуется большой популярностью у жителей Котону.

2

Израильский военный патруль у южной границы Ливана. Военщина Тель-Авива не прекращает провокаций против этой страны. Израильские войска десятки раз открывали огонь по мирным населенным пунктам Ливана. Израильские военные самолеты совершают провокационные облеты ливанской территории.

3

Миллионы африканцев в ЮАР томятся за колючей проволокой резерваций. Особенно тяжелые условия труда у рабочих золотых приисков, где низкая заработная плата и... длинные очереди за тарелкой «похлебки для бедняков».

4

Джордж Форман, экс-чемпион по боксу в тяжелом весе среди профессионалов, вновь вступил в борьбу за «возвращение звания короля кожаной перчатки». Первой его «жертвой» стал негритянский боксер Рон Лайл, который входит в десятку сильнейших американских тяжеловесов. В пятом раунде Форман сумел серией прямых в голову послать противника в нокаут.

5

В безуспешной попытке подавить нарастающее национально-освободительное движение народа Зимбабве расистские власти Родезии продолжают формирование частей специального назначения. В армию призывают даже женщин в возрасте от 18 до 50 лет.

6

Это сцена из повседневной жизни Чили — очередь безработных под надзором солдат. Фашистская хунта завела Чили в тупик. В экономике страны царят хаос и разруха, растут цены на предметы первой необходимости, закрываются предприятия, продолжаются массовые увольнения. Число безработных превысило полмиллиона человек. Катастрофический рост инфляции сказывается прежде всего на жизненном уровне трудящихся масс. Испытывая панический страх перед растущим сопротивлением, хунта увеличивает расходы на репрессивный аппарат, на армию и полицию.

7

В одном из крупнейших токийских залов, «Никкэй биру», проходил фестиваль советских фильмов, посвященный XXV съезду КПСС. В фойе зала открыт киоск с книгами о Советском Союзе.

8

Манифестация молодых французов, устроенная по инициативе Движения коммунистической молодежи и других молодежных организаций страны. На плакате надпись: «Молодежь Франции борется за свои права!»

Фото ТАСС.

MARX ENGELS
ŒUVRES CHOISIES
ŒUVRES CHOISIES

1

5

6

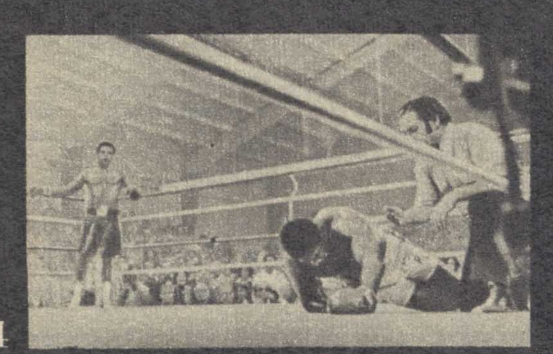
2

7

3

4

les Jeunes ne marcheront AU RYTHME
MOUVEMENT DE LA JEUNESSE
ESSE
OUR
SES
LIBERTÉS
MJCF - JOC - JOCF - UNEF - UNCAL - UGE - FRUF - CGT

8

МАСТЕР-РЕАЛИСТ

А. К. ЛЕБЕДЕВ,
действительный член Академии художеств СССР,
доктор искусствоведения

Щедр, исключительно ярок и многогранен талант советского живописца Бориса Валентиновича Щербакова. Им созданы сотни прекрасных пейзажей, десятки впечатляющих портрётов, натюрморты, немалое число сложных тематических картин. Эти произведения раскрывают большие идеи, выражают глубокие и сильные чувства, даруют людям радость и вдохновение.

Самое большое место в искусстве художника занимает пейзаж. Здесь отображены и горы Кавказа, и северо-запад России, и Центрально-Черноземная зона, и просторы Поволжья, и привольные степи Придонья, и древняя русская Владимиро-Суздальская земля, поля и леса Подмосковья, ландшафт плодородной Молдавии и многое другое.

Борис Валентинович без устали ездит по стране, пристально, подолгу изучает ее, забираясь даже в самые далекие и глухие уголки. Он не ограничивается одной поездкой в заинтересовавший его край, а совершает их много, на протяжении ряда лет. Характерно, например, что, задавшись целью отобразить облик Молдавии, он много времени посвятил ознакомлению с республикой и ее изучению. «Я скитаюсь по разным местам... Сделал около 300 километров... Сейчас я в селе Ватичи, в 70 километрах от Кишинева»,— писал он в мае 1969 года. 30 сентября того же года он сообщает в письме: «Завтра еду в поездку на юг Молдавии».

Большой, серьезный труд стоит за пейзажами Б. В. Щербакова...

Такое пристальное изучение помогает глубоко познать, понять и прочувствовать особенность облика края, предохраняет как от скучного однообразия мотивов, так и от поверхностности в их трактовке. Надо добавить, что работает художник подвижнически, упорно, с полным напряжением сил. В письме из Вешенской читаем: «Работа с восьми утра до 11 ночи. Делаю краткие паузы на обед». А в письме из Спасского-Лутовинова говорилось: «Встаю до света и до темноты тружусь. Поглощен, потрясен, умилен». Напряженный, ежедневный художнический труд — это закон всей жизни живописца.

Вспоминается, как в 1971 году, еще не совсем оправившись после тяжелой болезни сердца, Борис Валентинович оставался верен этому закону и вновь шел, вернее, брел на этюды. Не было сил нести ящик с красками, кисти, этюдник. Их ежедневно носила супруга художника Зоя Анатольевна, его верный друг и помощник. «Искусство требует всего человека,— говорит Борис Валентинович,— иначе ничего не выходит».

Пейзажи художника объединяются в тематические циклы. Некоторые из них связаны с именами великих писателей и поэтов земли русской и создавались в заповедных местах, где они жили и трудились. Так появились — в 1960—1961 годах — серия пейзажей Ясной Поляны, в 1962—1965 годах — цикл работ, посвященных Спасскому-Лутовинову, в 1964 году — Михайловскому. Были созданы: в 1968—1972 годах — серия работ, посвященных Молдавии, в 1973 году — Ростову Ярославскому, а в 1973—1974 годах — донские пейзажи.

Работая в заповедных «литературных» местах, Б. В. Щербаков стремится раскрыть людям красоту и очарование той природы, которая окружала и вдохновляла великих русских писателей, была ими воспета. Он мысленно пытается проникнуться их настроениями и переживаниями, сопоставляет реальные виды природы с их описаниями Пушкиным, Толстым, Тургеневым, Шолоховым. «Уже целый месяц живем мы на берегу Сороти,— сообщал художник в 1964 году из Псковской области.— Наслаждаемся природой... Я работаю, как всегда... Дух Пушкина витает над полями и рощами». Пейзажи Щербакова, изображающие места, связанные с жизнью и творчеством великих русских художников слова, как бы несут в себе следы тех чувств и переживаний, которые наполняли их душу и нашли отражение в их произведениях.

Насколько различны географические районы, природу которых отображает художник, настолько своеобразны и изображающие их мотивы. Его пейзажи беспредельно многообразны по сюжетам, каждый раз неповторимо индивидуальны.

Зоркий глаз живописца улавливает в природе такую разнородность состояний, такую массу тончайших свето-цветовых нюансов, какую обычный, «нехудожнический» глаз, вероятно, и не замечает. Высокое профессиональное мастерство и внимательное изучение натуры позволяют Б. В. Щербакову с поразительной точностью передать состояние атмосферы ранним утром, ясным или хмурым днем, вечером, зимой, весной, летом, осенью. Когда смотришь картину «Морозный день. В усадьбе», как бы физически ощущаешь жестокую зимнюю стужу, сковавшую землю, сельские домики, деревья. Чувство холода передается зрителю в значительной мере через изображение воздуха, света, едва заметной легкой морозной дымки, окутывающей окружающие предметы и дали. В картине «Месяц над рощей» художник изображает опушку осеннего леса со стелющимся в лощинах сырым, холодным туманом, освещенным бледным лунным светом. Этот туман изображен так верно, так натурально, что зритель как бы ощущает на себе его холодное и влажное дыхание. С не меньшим мастерством он умеет передать знойный жар полуденного летнего дня («Лето в Спасском») или атмосферу дождевого ливня, когда воздух до предела напоен влагой, очищается порывами ветра и грозовыми разрядами («Гроза начинается»). Когда сравниваешь пейзажи Щербакова, изображающие Михайловское и его окрестности, с пейзажами окрестностей Спасского-Лутовинова, чувствуешь чисто климатическую разницу разных широт, уловленную глазом художника и запечатленную в красках. Сопоставляя, например, пейзажи «Тригорское» из серии «Пушкинские места» с «Рекой Истой» из цикла «Тургеневские места», изображающие реки в сходных погодных условиях, как бы ощущаешь совершенно разную температуру, влажность, светонасыщенность, силу движения воздуха, более холодного, сырого и динамичного в «Пушкинских местах», с бодрящим ветерком и пронизанного солнцем, ласково-теплого, тихого и сухого на Орловщине.

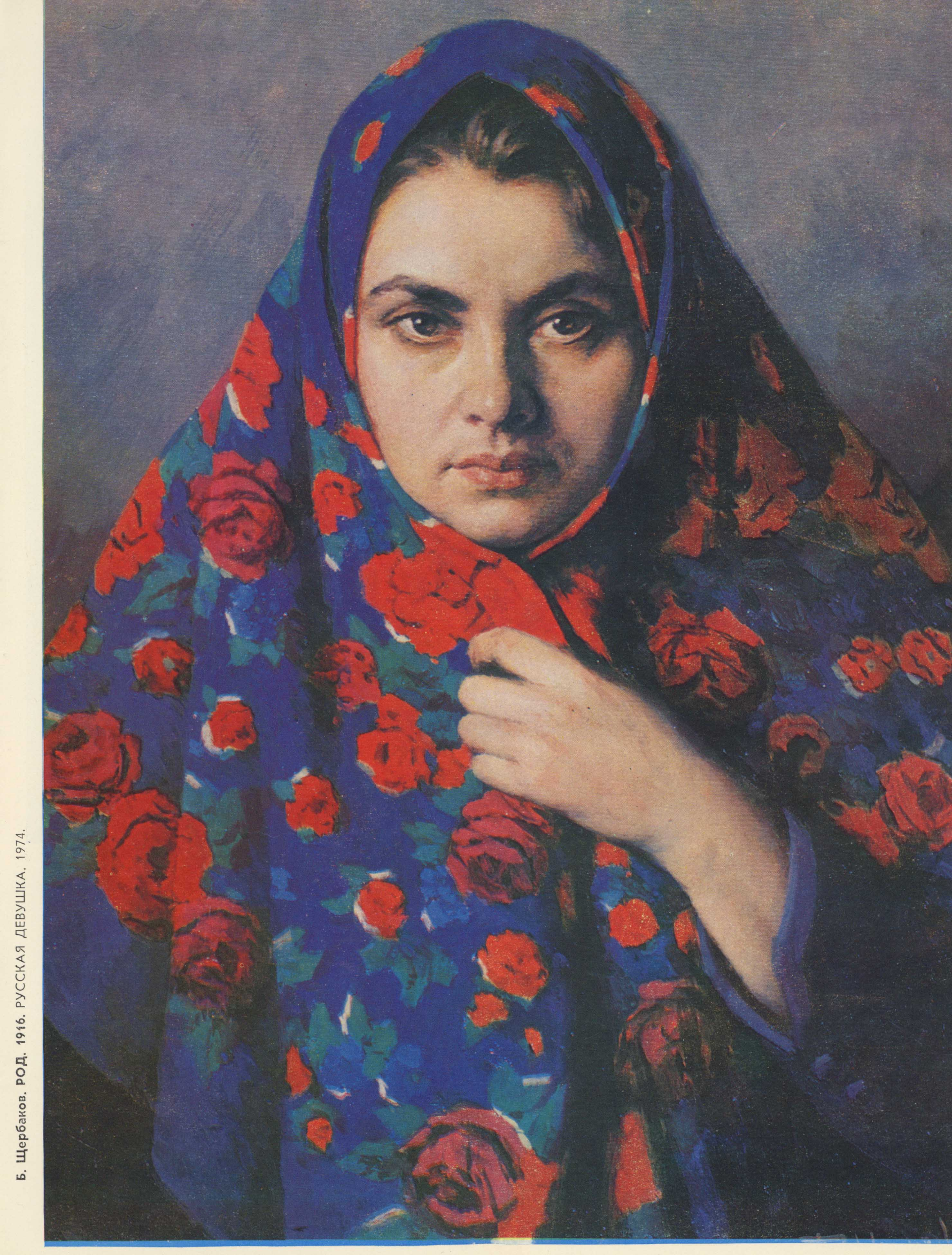
Пейзажи художника не только несут мощный заряд эмоций, но имеют также и подлинно познавательную ценность. Его виды природы — это не мимолетные импрессионистические наброски «лоскутков» природы, изменчивых ее мгновений и не субъективно-произвольные построения. Это глубоко правдивые **пейзажи-картины**, представляющие собой содержательный портрет природы края, портрет с большим обобщением.

Художник тяготеет в своих пейзажах к панорамности, к широкому охвату пространства. А некоторые его композиционные пейзажи особенно ярко раскрывают грандиозный размах просторов родной природы, безбрежную, необъятную даль бассейна крупных рек, бездонность голубых небес. Любит художник изображать в природе людей или приметы их созидательной деятельности. Мы видим среди сельского пейзажа то фигуру человека, то деревенские домики, посевы или стога сена, лодки, пасущихся трудяг-лошадей или тучные стада. Эта «обжитость» пейзажа, его связь с человеком труда, человеком-преобразователем сообщают произведению удивительную теплоту и задушевность. Но в пейзажной живописи талант художника проявляется не столько в изображении драматических состояний ландшафта, сколько носит лирический и эпический характер. Чаще у него природа предстает в состоянии умиротворенной тишины, покоя или легкого движения, когда в полную силу раскрываются ее спокойная, величавая красота, тихое, волшебное очарование, ее близость к человеку и приветливость.

Среди произведений художника есть немало таких, которые навсегда запоминаются и постоянно встают перед мысленным взором зрителя при воспоминании о его творчестве. К их числу принадлежит, например, полотно «Орловские дали», изображающее в погожее июльское утро широкую панораму полей, пересеченных кое-где оврагами, поросшими кустарником. Вдали золотится поспевающая рожь, на горизонте виден темный лес. А весь передний план представляет собой роскошный ковер цветущей гречихи и распустившихся, еще не скошенных трав. Красные, белые, голубые, фиолетовые, желтые, синие краски благоухающих растений, зелень травы и кустарника, голубизна неба сливаются здесь в одну изумительную цветовую симфонию. Воздух напоен ароматами трав. Легкий утренний освежающий ветерок колышет ветви молодой березки, растущей на краю луга. Пейзаж не только изображает красоту, сказочное богатство и поразительное раздолье русской земли, но и передает ее нежную ласковость и теплоту. Этот пейзаж — гимн лирическому очарованию природы, какой-то неповторимой ее человечности.

Не менее сильное впечатление остается и от картины «Красные сумерки», запечатлевшей уголок Молдавии. На фоне голубоватого водного зеркала, в вечерний час изображены деревья и кусты в багряном уборе осенней листвы. Поразительно многообразие оттенков красного цвета, объединенных в единый, торжественно звучащий колористический аккорд. Пламенеющие краски осени, ширь водных просторов, неоглядные дали полей — все это передает эпическое величие природы, вызывает у человека мажорные чувства, состояние радости, восхищение великолепием и необыкновенной цветовой гармонией мира. Прекрасны пейзажи «Дон тихий», «Тригорское», «Колокольчики звенят» и многие, многие другие.

Есть у Бориса Валентиновича также произведения, посвященные Москве, Ленинграду, Кишиневу, Ростову Ярославскому, Парижу, Риму, Дрездену, Веймару, Будапешту. Мастерство в изображении городского пейзажа особенно ярко воплотилось в серии великолепных работ, по-

Б. Щербаков. **РОД. 1916.** РУССКАЯ ДЕВУШКА. 1974.

Б. Щербаков. АПРЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ. 1975.

священных древним памятникам Ростова Ярославского, красотой которого художник был очарован.

Пейзажи, исполненные Б. В. Щербаковым, представляют собой чудесный сплав прозы и поэзии, документальной точности и вдохновения. Художник специально не гонится за чисто внешними эффектами (хотя и не чуждается их). Влюбленный в природу, он передает ее без прикрас, порой даже в самых обыкновенных, казалось бы, ничем не примечательных мотивах. Но он заставляет зрителя глубоко постичь очарование даже самых скромных уголков.

Очень хорошо сказал о пейзажах художника, прежде всего о пейзажах России, известный писатель Е. Н. Пермитин: «Русская природа! На каждом полотне до боли любимая, дорогая сердцу зрителя Русь!. Картины Бориса Валентиновича Щербакова отмечены печатью неповторимого своеобразия. Изображаемая им природа до краев напоена живой, трепетной красотой. Его пейзажи действительно «уводят зрителя к себе»... В картинах с открытыми, характерными для среднерусской полосы взволнованно-холмистыми далями превалирует несколько световых планов, почти незримо переходящих, вливающихся один в другой. Это создает ощущение величавого покоя и умиротворяющей тишины. На его полотнах цвет словно бы звучит — так он глубок и насыщен. Цветы и травы, деревья и кустарники, живая лазурь вод, ситцевое небо родины пронизаны солнцем, наполнены движением».

Жизненность впечатления достигается не только благодаря мастерству и упорному изучению природы, но и в результате особого метода создания картин-пейзажей. Художник обычно создает их не в мастерской, не по этюдам, а непосредственно на натуре, в лесу, поле, на берегу реки. Поэтому-то они и несут самое свежее, самое трепетное ощущение.

Но это не исключает в некоторых случаях работы над сложными пейзажами-панорамами и по этюдам, в мастерской.

Б. В. Щербаков создает свои произведения с помощью точного рисунка, уравновешенной композиции, строгой линейной и воздушной перспективы, гармонического сочетания звучных красок, тонкой фактуры красочного слоя. Художественная форма его картин — ясная, простая, строгая, доходчивая. Произведения мастера предельно завершены, закончены как в смысле строгого соподчинения всех деталей главному, так и тщательной, артистически изящной проработки всех изображенных предметов. Здесь нет приблизительности, щеголеватой небрежности, манерности и субъективизма, несовместимых, по мнению художника, с высоким призванием и назначением искусства.

Замечательное творчество Б. В. Щербакова — это результат таланта, помноженного на постоянный самоотверженный труд и усовершенствованного прекрасной профессиональной школой, непрерывной самостоятельной учебой.

Бориса Валентиновича с полным основанием можно назвать воспитанником, наследником и продолжателем традиций русской школы реалистического пейзажа XIX—XX веков. Он родился в Петрограде 7 апреля 1916 года и является потомственным художником. Его отец Валентин Семенович в 1909 году окончил Петербургскую Академию художеств, проявив «отличные познания в живописи и научных предметах». Семья была близка со многими выдающимися живописцами и графиками того времени — А. А. Рыловым, Н. И. Фешиным, Е. Е. Лансере, И. И. Бродским, К. Ф. Юоном и другими. Не раз пользовался юный Б. В. Щербаков советами и наставлениями А. А. Рылова в своей самостоятельной творческой работе, не раз отправлялся вместе с маститыми живописцами на этюды. Эта артистическая среда помогла Борису Валентиновичу не только полюбить с детских лет изобразительное искусство, но и рано овладеть некоторыми художническими навыками, техническими приемами живописи и рисунка. А главное — помогла формированию взглядов убежденного реалиста. Нам кажется, что замечательное мастерство художника в передаче света — то солнечного, то лунного, то искусственного,— его умение изобразить на полотне эффекты зари, радуги, заката позволяют видеть в нем преемника и продолжателя традиций школы А. И. Куинджи. Эти традиции он впервые воспринял, быть может, от своего учителя-куинджиста А. А. Рылова.

Прохождение курса Всероссийской Академии художеств под руководством В. Н. Яковлева, В. Е. Савинского, И. И. Бродского вооружило Б. В. Щербакова необходимыми знаниями. Ему было присвоено звание «художник-живописец». В годы Великой Отечественной войны и вплоть до 1948 года художник находился в рядах Советской Армии. Далее началась упорная самостоятельная работа, которая неотделима от стремления к дальнейшему творческому росту и совершенствованию. Щербаков изучает историю искусства, технику и технологию живописи старых мастеров. В Третьяковской галерее он сделал фрагментарные копии репинской картины «Иван Грозный и сын его Иван» и суриковской — «Утро стрелецкой казни», стремясь обогатиться опытом корифеев живописи. После этого художник в Москве, а затем и в Дрездене копировал картины «Святое семейство» Мантеньи, «Старик с золотой цепью» Веласкеса, «Портрет молодого человека» Халса и «Вирсавию» Рубенса, сделав факсимильные повторения знаменитых произведений. В 1957 году он писал из Дрездена друзьям: «Уже две недели я вновь работаю над Рубенсом... Работаю не меньше 12 часов ежедневно и порядком устаю. Для меня эта работа — хорошая школа».

Но еще больше учится художник на натуре, на этюдах среди природы и в мастерской, создавая новые произведения, преодолевая возникающие трудности. Изображение нового, незнакомого края обязательно связано с учебой, с поисками новых композиционных, колористических решений.

Художник не знает самодовольства и самоуспокоенности. Он весь в постоянных исканиях. «Бьюсь я над разными живописными задачами,— сообщал он друзьям в 1964 году из окрестностей Михайловского,— чувствую свое бессилие перед сложностью, силой и гармонией, которые царят в природе». А в 1968 году в его письме из Молдавии говорилось: «Сегодня писал целый день интересный пейзаж и все более убеждаюсь, сколь сложная эта штука живопись и как далеко нам всем даже не до совершенства, а хотя бы до хорошего уровня. Так все сложно. Такая неуверенность в своих силах».

Работа над изображением «живой» природы, пейзажа успешно сочетается и дополняется у художника работой над «мертвой» природой, над натюрмортом. Цветы, фрукты, ягоды, овощи, трофеи охоты всегда расположены на его полотнах со вкусом, запечатлены с большой силой материальной, предметной достоверности и весомости. Дары нашей щедрой земли трактованы с такой свежестью, точностью и убедительностью, что зритель получает не только иллюзию их материальной плоти. Он как бы ощущает аромат букета роз или рассыпанной клубники, кислый вкус надрезанного лимона. Работая в жанре натюрморта, художник немало учится на произведениях знаменитых голландцев — Класа, Хеда, Бейерена, Калфа — и по-своему развивает их традиции.

Борис Валентинович — талантливый портретист, запечатлевший многих передовых рабочих, колхозников, деятелей советской науки, искусства, военачальников. В 1951 году художник участвовал в составе творческого коллектива художников в написании группового портрета советских ученых — «Заседание Президиума Академии наук СССР». За эту картину и серию портретов ученых он был удостоен Государственной премии СССР.

Над портретами живописец работает постоянно. Им исполнены с натуры портреты академиков — В. В. Виноградова, Н. С. Державина, Г. М. Кржижановского, Д. В. Наливкина, В. А. Обручева, Д. В. Скобельцына, артистов А. В. Жильцова, Б. А. Смирнова, В. О. Топоркова, С. А. Кочаряна, И. М. Туманова, писателя К. А. Федина, Маршала Советского Союза А. А. Гречко, знаменитых летчиков трижды Героев Советского Союза И. Н. Кожедуба и А. И. Покрышкина, Маршала бронетанковых войск М. Е. Катукова. В 1960 году был написан портрет метростроевца Богатырева. В Молдавии художник создал в 1970 году портрет председателя передового колхоза «Пограничник» П. А. Кожухаря, человека глубоко мыслящего, стоящего на уровне передовых знаний и культуры. «Очень интересный человек,— говорил о нем Борис Валентинович.— Наверное, поэтому у него и хозяйство образцовое, он работает самозабвенно, и ничего для себя... Уж очень хороший человек и энтузиаст, а я ненавижу равнодушных и люблю таких». Исполненные им произведения прежде всего отличаются безупречным сходством с оригиналом, свидетельствуют о повышенном интересе художника к духовному облику человека. Через пластику метко подмеченных жестов, движений, поз, мимических состояний он передает характеры, внутреннее состояние людей. Созданная Б. В. Щербаковым портретная галерея, увековечивающая образы наших выдающихся современников, имеет не только художественное, но и большое познавательно-историческое значение.

Он проявил себя и как мастер сложной тематической картины на сюжеты современной общественной жизни и исторические темы. В его полотнах, всегда основанных на серьезном изучении темы, на содержательном этюдном материале, выражены значительные идеи гражданственного, патриотического звучания. В них художник стремится раскрыть дух эпохи, характер людей, мир их внутренних переживаний и чувств. В 1946 году он создал полотно «Петр I принимает послов», в котором правдиво воссоздал образ царя-реформатора. В 1949 году были исполнены картины «Творческое содружество» и «Учет молока в поле», посвященные жизни советских людей. Позднее появилось полотно «Кончилось ваше время!», раскрывающее один из знаменательных эпизодов Великого Октября, момент экспроприации экспроприаторов. В картине «Пепел Бухенвальда» изображена волнующая сцена торжественной клятвы живых над пеплом сожженных фашистами людей, клятвы в верности идеалам мира, свободы и демократии. Если в пейзажной живописи художник проявляет себя больше как проникновенный лирик или тяготеет к эпическим мотивам, то в тематической картине он очень часто обращается к сюжетам, полным сурового, драматического звучания. Крупным успехом явилось произведение «Непобедимый рядовой», в котором изображен пожилой советский солдат, возвратившийся после войны домой и заставший одно пепелище. Скорбны чувства, тяжелы раздумья человека, остро беспокойство за судьбы близких. Кругом руины, перепаханная металлом земля. Предстоит начать новую жизнь, вернуть сожженной деревне ее мирный облик, возродить поля к плодородию. Как ни тягостны переживания солдата, веришь, что он найдет в себе душевные силы, проявит волю, силу, упорство и мужество в борьбе за новую жизнь. Непобедим наш народ, несгибаем советский человек в борьбе за свою землю и высокие идеалы — таков глубокий смысл этого замечательного произведения. В 1970 году художник написал картину «Год 1917-й. Редакция «Правды», где изобразил В. И. Ленина в обстановке напряженной редакционной работы. В том же году он создал полотно «Встреча. 20 октября 1920 года», изображающее беседу В. И. Ленина с А. М. Горьким.

Б. В. Щербаков — активный участник всех крупных послевоенных всесоюзных и всероссийских выставок. Начиная с 1958 года у него было девять персональных выставок. Иные из них показывались не только на Родине, но и за рубежом.

«Спасибо за краски и запахи земли нашей, за большую радость!» — так выражает свое впечатление от одной из персональных выставок Щербакова группа зрителей. «Встреча с творчеством Б. В. Щербакова — встреча с большим, настоящим талантом! Около многих его пейзажей останавливаешься, потрясенный верностью и поэтичностью передачи облика родной нашей природы»,— говорится в отзыве другой группы посетителей.

Большая выставка произведений художника была в 1973—1974 годах показана в братской Венгерской Народной Республике. Ее посетили многие граждане социалистической Венгрии и написали прекрасные отзывы об экспонированных произведениях. «Выставка оставляет изумительное впечатление,— говорится в одном из них.— Она властной силой будит в человеке стремление к миру. Картины излучают любовь к природе и гуманизм...»

Картины Бориса Валентиновича демонстрируются во многих художественных музеях страны.

В 1973 году Б. В. Щербаков был избран членом-корреспондентом Академии художеств СССР.

Заканчивая этот очерк о художнике, хочется привести замечательно верные слова о нем, сказанные писателем Г. И. Серебряковой: «Щербаков смело, как надлежит истинно талантливому человеку, несет через всю свою творческую биографию один идеал — воинствующий реализм...

Творчество Щербакова — гимн реалистическому искусству. Картины его обладают счастливой особенностью нравиться со временем больше и больше. К ним возвращаешься и находишь ранее, может, и не замеченную глубину и прелесть».

Пробуждая у зрителей восхищение величием и красотой Родины, гордость за ее славное прошлое, героическое настоящее и грандиозное грядущее, произведения Бориса Валентиновича воспитывают чувство любви к Отчизне. Его глубоко правдивая живопись выступает действенным средством патриотического воспитания народа.

Однажды Б. В. Щербаков сказал о своем учителе И. И. Бродском: «Всю деятельность свою он понимал как служение народу». И эти слова в полную меру могут быть отнесены к самому их автору.

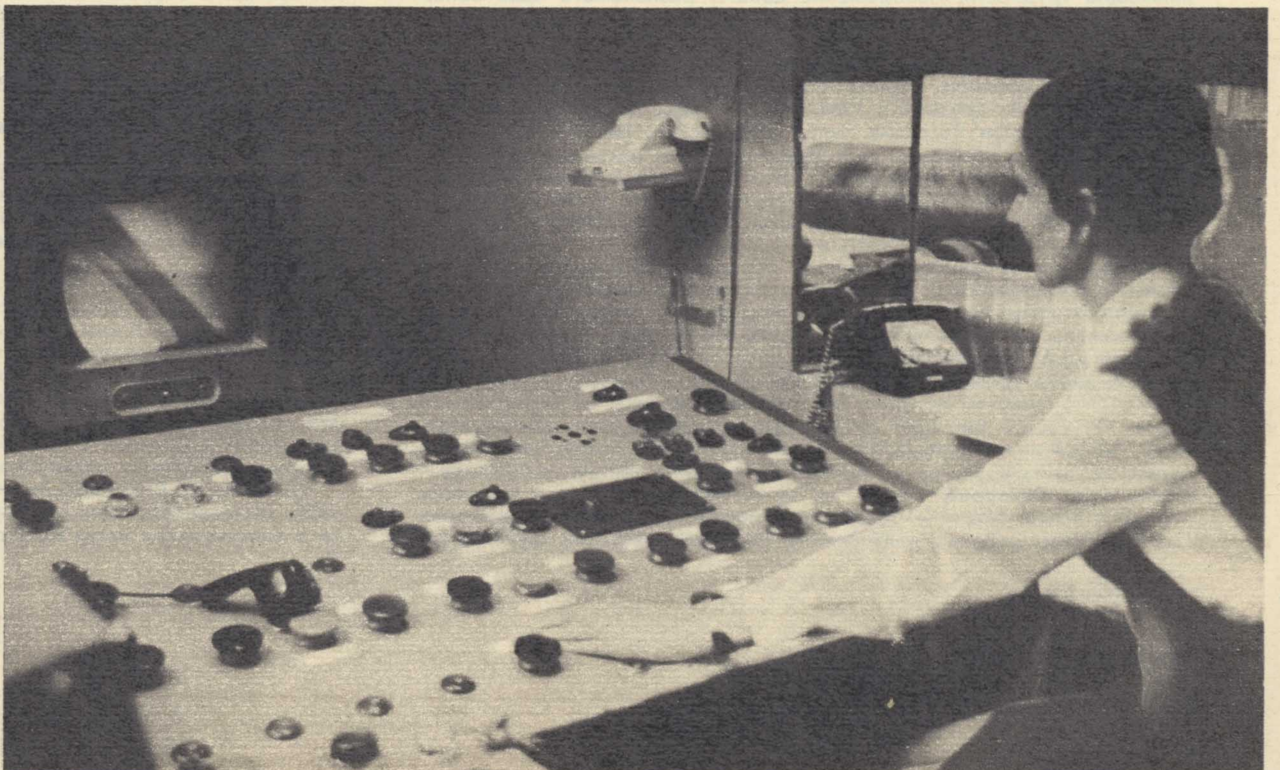
Стан 2520.

К А Ч Е С Т

Бригадир Юрий Соколов.

Пульт рентгенотелевизионного контроля.

ВО

«...НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАЦЕЛЕНЫ ВЕСЬ МЕХАНИЗМ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ, ВСЯ СИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНОГО И МОРАЛЬНОГО ПООЩРЕНИЯ, УСИЛИЯ ИНЖЕНЕРОВ И КОНСТРУКТОРОВ, МАСТЕРСТВО РАБОЧИХ. К ЭТОМУ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОСТОЯННО ПРИКОВАНО ВНИМАНИЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРОФСОЮЗОВ И КОМСОМОЛА».

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС.

В химической лаборатории.

Ю. КРИВОНОСОВ,
А. БОЧИНИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Изобретением трубы человечество похвастаться не может. Труба существовала, видимо, еще до сотворения мира. Во всяком случае, человек получил ее в готовом виде от матери-природы и тут же сообразил, что без трубы ему труба, после чего взял дерево с полым стволом и подвел воду от ручья к своей хижине. Так появился первый трубопровод. С тех пор воды утекло тьма, а меж тем без трубы человеку по-прежнему труба! Какую бы сферу нашей практической деятельности ни взять, труба везде непременная и незаменимая деталь.

Полагаем, что на этом наш экскурс в древнюю историю пора закончить и вернуться в день сегодняшний, а вернее, вчерашний — к началу текущего десятилетия, когда зарубеж-

ные политиканы нам отказали в продаже стальных труб большого диаметра, и в городе Волжском, что напротив Волгограда, был построен трубный завод — высокопроизводительный и самый современный.

Мы присутствовали при рождении первой его очереди, предназначенной для изготовления спиральношовных газопроводных труб большого диаметра — до 1420 миллиметров,— и рассказали об этом в № 3 «Огонька» за 1970 год. Репортаж наш так и назывался — «Рождение».

А кончался он следующими словами:

«Трактор вытащил первую «деловую» трубу за ворота цеха и повез на ГЭС».

Теперь трактором тут ничего не сделаешь, в цех заходят железнодорожные составы, которые вывезли отсюда за шесть лет трубы в количестве, исчисляемом миллионами тонн и десятками миллионов метров.

И за эти шесть лет здесь произошло множество событий. Мы понимали, что рассказать обо всем нам не под силу, и решили взять какое-нибудь одно направление.

— А вы напишите о качестве труб,— предложил директор завода Николай Александрович Богатов.

Мы подумали и согласились.

ТАК И НЕ ТАК...

Итак, спиральношовные трубы. Чтобы понятно было, о чем речь пойдет, мы позволим себе вторую — и последнюю — цитату из нашего прошлого репортажа:

«...Толстая полоса стали уперлась в направляющие ролики и начала закручиваться на манер цигарки-самокрутки, прозванной «козьей ножкой». Только края не накладывались друг на дружку, а шли встык, кромка к кромке. Склеивались эти кромки огненными языками сварки, сразу двумя швами, одним — изнутри, другим — снаружи. И выходила с другого конца стана готовая, бесконечно наращивающаяся труба. Когда она достигла заданной длины, включился аппарат плазменной резки. Его каретка двинулась за трубой и на ходу ровненько, как бритвой, отрезала ее...»

Вот и теперь, через шесть лет, все это происходит точно так же, только тогда работал один первый стан (обозначенный, правда, номером девятым), а сейчас этих станов — десять, а точнее, одиннадцать. Но о последнем разговор особый. Да, внешне это происходит точно так же, но только внешне. Впрочем, давайте послушаем директора Николая Александровича Богатова, он инженер-трубник, кандидат технических наук, руководил наладкой и пуском всех станов и знает в них буквально каждую, даже самую мелкую деталь.

— Когда вы были у нас прошлый раз,— начал Богатов,— мы еще только начинали и ничего не понимали или, во всяком случае, понимали очень мало. Учила нас сама жизнь, и в результате этого нашего «самообразования» практически ни один узел станов не сохранился в том виде, в каком он был спроектирован. И совсем не потому, что конструкторы в чем-то просчитались, отнюдь, но для них все это было тоже в новинку — подобных станов мировая практика не знала.

Наконец, удалось добиться, чтобы все заработало стабильно, и мы стали делать качественные трубы. Ведь те первые, что вы здесь когда-то видели, годились только для хозяйственных целей. Газопроводная же труба должна иметь идеальную надежность. Знаете, во что обходится один прорыв в магистральном трубопроводе? В сотни тысяч рублей! А добиться надежности можно, лишь повышая качество. При изготовлении труб есть допуски. Скажем, по диаметру мы можем отклоняться от заданного в ту или другую сторону на два миллиметра для обычной продукции и на полтора — со Знаком качества.

А что такое выдержанный диаметр? Это точная состыковка концов труб и повышение качества сварки стыков при строительстве трасс. Хорошо известно, в каких порой тяжелых условиях работают люди, прокладывающие нефте- и газопроводы где-нибудь в тайге, болотах, знойных пустынях или районах Крайнего Севера. Значит, мы должны помнить и о них, облегчать их труд, помогать им отсюда... Нам удалось вместе с ВНИИ токов высокой частоты имени Вологдина разработать и внедрить систему автоматизированного управления сварочными процессами — это ново и для отечественной и для зарубежной практики, в результате из трех сварщиков на стане в смену осталось два. Но визуальный контроль за сваркой нужен, и мы пошли дальше — создаем центральный пульт управления с телевизионными установками...

Мы видим этот пульт — застекленный капитанский мостик у одного из станов. Так как беседа наша идет прямо в цехе, замечаем и другое — там новая вентиляционная система, тут еще какое-то приспособление.

— Вот, вот,— говорит Богатов,— у нас на каждом стане что-нибудь да есть экспериментальное.

НЕ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

— А это что за паук? — удивляемся мы странной конструкции, которая оседлала выходящую из сварки вращающуюся трубу.

Николай Александрович делает знак бригадиру, и тот включает на пульте какие-то кнопки. Возникает резкий свист, и под его аккомпанемент уже остывший шов вместе с прилегающим к нему участком трубы начинает вновь приобретать малиновый оттенок.

— Эта великолепная установка — новое слово в технике. Она создана нами еще год назад, но воспользоваться ею мы пока, увы, не можем. Почему? Скажу чуть позже. Сначала — для чего она. Прогреваемый ею участок — узенькая полоска, где поработал огонь в процессе сварки. Зона эта обладает наихудшим сопротивлением ударным нагрузкам, а именно они угрожают газопроводам. Значит, место это надо облагородить. Вот для этого-то мы и создали локальную термическую обработку с помощью токов высокой частоты. Завод делает хорошие трубы, но это дополнение в технологии поднимет качество их еще на одну ступеньку. Но одного обстоятельства не учли: вся эта установка издает звук высокого тона, раздражая людей, действуя им на нервы. Ведь цех-то наш тем и хорош, что все перемещения и перевалки труб осуществляются бесшумно. Пробовали устанавливать звукопоглощающие экраны, шли на разные хитрости и несколько приглушили звук. Но... свистит проклятая. Какой-нибудь капиталист наплевал бы на эти «нежности» и тут же запустил бы установку в производство, а нам нельзя. Качество, конечно, нужно, но не любой ценой! И хотя на станы пришло готовое оборудование, мы все изменили и будем проводить такую термообработку в специальных камерах, которые уже строим.

Еще в 1974 году двум видам труб был присвоен государственный Знак качества. В завершающем году пятилетки добились его еще для одного вида. И тут не обошлось без драматизма: борьба за качество — это ведь и борьба с косностью, с устоявшимися представлениями. Речь идет о трубах термоупрочненных, освоение их было предписано Директивами XXIV съезда партии. В чем тут суть? Можно значительно повысить качество труб путем закалки с последующим отпуском.

— Стоп! — сказали мы Богатову.— А зачем же закалять, если потом снова отпускать?

— Вот в том-то и смысл, что этим можно добиться значительного повышения качества. Закалка дает очень высокую прочность, а отпуск возвращает металлу пластичность — способность тянуться и не рваться.

Борьба за качество — это и дополнительная ответственность и, если хотите, риск. Построили мы термоотдел, я подписал акт государственной комиссии, и... девять месяцев не могли сделать здесь ни одной трубы! Все у нас ломалось, все у нас горело, ничего у нас не работало!

В чем тут сложность? Когда такую тонкостенную трубу нагревают до девятисот пятидесяти градусов, она резко теряет прочность и, как мы говорим, дышит. Чтобы сохранить форму, трубу надо вращать. А как это сделать? С помощью чего? Через весь этот комплекс проблем мы шли целых девять месяцев, пока, наконец, одолели. А раз прочность увеличилась, значит, можно делать стенки и потоньше... При диаметре 1220 миллиметров толщина стенки была двенадцать, а мы ее уменьшили до десяти с половиной миллиметров. Но это значит, что из каждой сотни тонн металла, и отличного металла, мы экономим двенадцать с половиной тонн. Замечу кстати, что оперируем-то мы сотнями тысяч тонн в год.

И тут началась та самая драма. Июль, термоотдел работает на всю железку, выдает в сутки сотни тонн труб — день, второй, третий... Склад завален, цех завален — не берут потребители: как же так, вместо двенадцати — десять с половиной?! Вдруг будут рваться? Я сразу же поехал по министерствам, показываю фотографии, расчеты, рассказываю, что испытывали на предельных нагрузках, качество гарантируем — не берут, боятся! Дело дошло до самых высоких инстанций. Разобрались и решили в нашу пользу. Позже институт строительства трубопроводов, проведя испытания, подтвердил: волжские трубы могут работать в любых условиях, в том числе в районах Крайнего Севера. И при температурах более низких, чем лучшие зарубежные образцы. Потому-то мы и получили так быстро — всего за год — Знак качества на газопроводные термоупрочненные трубы, которые нигде раньше не производились. Вон даже лозунг еще не успели снять...

И директор показал на красное полотнище, которое взывало: «Термоупрочненным трубам — государственный Знак качества!».

КАЗАЛОСЬ БЫ, ЖИВИ СПОКОЙНО...

Инерция, конечно, страшная вещь, но тем-то и сильна диалектика, что законы ее непреложны. Переход количества в качество...

Не случайно пятилеткой качества и эффективности стала десятая пятилетка. Подготовка к этому рубежу шла долгие годы — нужно было, чтобы накопились количественные предпосылки.

Сейчас пятая часть продукции Волжского завода идет с государственным Знаком качества, а вскоре будет уже треть...

Качество — это целый комплекс проблем. Богатов дал нам для ознакомления этакий объемистый гроссбух, и вечером в гостинице мы углубились в чтение.

Книга была озаглавлена: «Комплексная система управления качеством продукции на Волжском трубном заводе». В первом же пункте записано: «Система управления качеством продукции является совокупностью комплекса технических, организационных, экономических и общественных мероприятий, взаимосвязанных между собой и воздействующих на все сферы деятельности завода».

Большое внимание в этой системе уделяется контролю качества. Еще в начале семидесятых годов был освоен и введен стопроцентный контроль сварных швов: ультразвуковым и рентгенотелевизионным методами, визуально и давлением. Последнее означает, что каждую трубу пропускают через гидропресс — накачивают водой под давлением, превышающим на десять — пятнадцать процентов рабочее давление на трассах. Разрушение при этом происходит один-два раза в году — столь высоко качество, гарантия практически полная. Ведь через эту операцию в год проходят сотни тысяч труб. Такой многоступенчатый контроль газопроводных труб — тоже характерная особенность Волжского завода.

Изученная нами книга раскрыла сложный механизм борьбы за качество, предусматривающий и ответственность, и взаимоотношения, и обязанности, и многое другое. Система, несмотря на свою «въедливость» и кажущуюся громоздкость, весьма четкая, легкоприменимая и правильная, что в общем-то подтверждено практикой.

Наконец, достаточно подковавшись в вопросах техники, мы поняли, что можем изучать вопрос уже не в общих чертах, а потому отправились в партком завода и встретились с заместителем секретаря Василием Федоровичем Жаданом.

— Пятилеткой качества для нашего завода, по существу, была уже девятая,— словно продолжая наш разговор с директором, сказал Василий Федорович,— потому что само предприятие-то совершенно новое. И нашей целью сразу стало не только качество продукции, но и качество работы: каждый должен с предельной ответственностью трудиться на доверенном ему участке.

Бывает в жизни такая ситуация: приходит человек в магазин и возмущается, что продают кособокие костюмы, а сам у себя на фабрике

гонит колченогие стулья. Значит, прежде всего спрос с себя. Об этом речь у нас и на заседаниях парткома, и на активах, и на собраниях. Все проектные показатели мы давно одолели и пошли дальше. Путь намечали с перспективой. Еще в семьдесят первом году заводскую партийную конференцию мы посвятили теме «Пути повышения качества продукции». В этой конференции приняли участие представители родственных предприятий и научно-исследовательских институтов, с которыми завод связан, а их около двадцати. В марте семьдесят второго партком утвердил комплексный план мероприятий и одобрил инициативу коммунистов — развернуть соревнование за звание бригад отличного качества. У нас есть четкий показатель, за что такое звание присваивается. Это выход газопроводных труб. Дело в том, что если трубы имеют дефекты, они ремонтируются, а при неисправимости дефектов переводятся в водопроводные — там требования ниже. Мы имеем право переводить в класс пониже до восьми процентов труб. Значит, минимально допустимый выход — девяносто два процента. Но звание бригады отличного качества дается тем, кто обеспечивает выход не менее девяноста шести процентов газопроводных труб. При этом должно соблюдаться и отличное качество работы, то есть без нарушений технологии, производственной дисциплины и т. д. Невыполнившие эти условия лишаются звания.

— Значит, качество, но не любой ценой? — спросили мы словами Богатова.

— Именно так,— подтвердил Жадан.— Все показатели работы завода высокие, месяц за месяцем мы держим призовые места по министерству, дали за пятилетку семнадцать миллионов рублей сверхплановой прибыли, сэкономили десятки тысяч тонн металла. Казалось бы, живи спокойно. А у нас... Расскажу вам о собрании партгруппы одной из смен. Было это в мае 1975 года, слушали бригадира — настройщика восьмого стана Геннадия Князькина. Отмечалась нестабильная работа: выход газопроводных труб в процентах у них составлял: в январе — 95,6, в апреле — 98,1, в мае — 96,2. Показатели, в общем, отличные, но у других-то лучше! Разобрались в деталях, наметили соответствующие меры, и вот результат: июнь — 98,9, июль — 99,8, сентябрь — 99,9,— а к концу года бригаде было присуждено первое место по итогам социалистического соревнования. Много дает экономическая и техническая учеба, которой охвачены у нас почти все. И вот только один пример: бригадир-настройщик Юрий Соколов провел со сварщиками две школы передового опыта. Результат: годовой эффект, выразившийся в сотнях тысяч рублей. Соколов — один из лучших наших рационализаторов, внес сто двадцать предложений, из которых половина уже внедрена. За свою работу он награжден орденом Трудовой Славы, а совсем недавно мы его премировали автомобилем «Москвич».

И ВСЕ ПОВТОРИТСЯ СНОВА

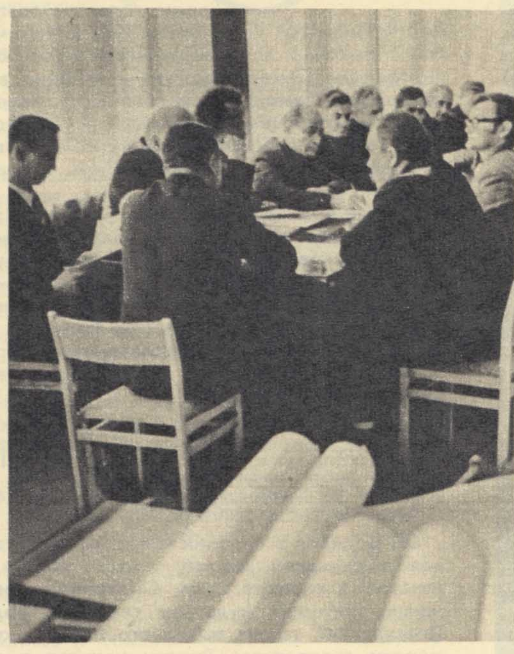
...Социалистическое соревнование. За его ходом здесь очень легко следить. На каждом стане висит доска, на которой написано: «Здесь трудятся бригады отличного качества работы» — и проставлены индексы смен — от «А» до «Г». Если ваша бригада на доске не упомянута, значит, вы отстали и вами следует заняться. Ведь все смены-бригады в равных условиях, и ни на какие объективные причины тут не сошлешься. А раз условия равны, значит, отличными могут быть все бригады — именно такой вывод сделал коммунист Виктор Устинов, пришедший на завод перед его пуском и выросший от подручного до бригадира. Вместе со своей бригадой он выступил с почином: «От бригад к участкам, цехам, предприятиям высокого качества работы». Почин подхватили все предприятия города, и, само собой разумеется, трубники. И как ни хорошо работали устиновцы, их все-таки обогнали — первым завоевал звание участка отличного качества работы коллектив стана № 9. Того самого, что был на заводе пущен первым.

Говорят, что, узнав об этом, Устинов улыбнулся и спокойно сказал:

— Догоним... Лишь бы дело шло, а чья слава первая — не так уж важно. Все ведь в дом!

Со многими мы говорили на трубном, и все сводилось к одному: качество — это люди. А они здесь очень молоды. Мы встретились с председателем совета наставников трубосварочного цеха — это больше чем половина завода — Владимиром Слабоусом, а ему-то всего тридцать два года!

— Почему-то принято считать,— улыбается Володя,— что если наставник, значит, человек пожилой, степенный. А у нас наставнику лет двадцать пять, двадцать шесть, а подопечному — двадцать два. К нам пополнение обычно приходит из армии. Где же набрать ветеранов на таком-то молодом предприятии, если наставников в цехе более полутораста? Да и какие у нас ветераны? Вот вам самый типичный — Альберт Ташкинов. На заводе с первого дня, участвовал в наладке и пуске всех станов. В семьдесят первом получил орден Трудового Красного Знамени, а через два года — орден Ленина! Сейчас он бригадиром на стане 2520, который тоже он пускал, да на нем и остался работать, там много экспериментируют, а Ташкинов это любит. А лет-то ему — завтра исполняется тридцать семь!.. У нас так не бывает, чтобы пришел новичок, мы ему

Оперативное совещание

сразу: иди-ка сюда, вот тебе опекун. Молодой человек всегда к кому-то клонится. Вот мы и ждем — пусть люди присмотрятся друг к другу, проникнутся симпатией, тут мы их организационно и объединяем. И польза от такого подхода к делу огромная. А небольшая разница в возрасте, так это еще и лучше — понимают друг друга с полуслова, поколение-то одно, только другой поопытней.

— А у тебя самого какая биография?

— Ремесленное окончил — сварщик-ручник, потом армия, после нее, уже в двадцать пять лет, пошел учиться в техникум. Сюда приехал с дипломом, как молодой специалист. А тут порядок такой — покажи себя на рабочей точке. Пошел подручным... Показал... Теперь сменный мастер.

Володя не сказал о том, что ему присвоено звание «Лучший мастер завода». А какова у него смена, видно из одного случая. Не хватало как-то в ней сразу семи человек, и все шестого разряда,— одни в отпуске, другие заболели. Тут и выяснилось, что взаимозаменяемость у них полная: отработали не хуже, чем обычно, и продукцию дали отличного качества.

— Ну, а как зарабатывают ребята?

— Давайте их самих спросим. Вот хотя бы Петю Ермолюка.

— А чего,— отозвался Петя.— Мы не жалуемся, меньше двухсот пятидесяти не бывает, а частенько и до трехсот сорока дотягиваем...

— У вас что же, сдельщина?

— Да как вам сказать, наш заработок от качества зависит, к окладу премия идет процентов пятьдесят, а когда и больше, и дается она только за качественные показатели...

В бытовку, где шел разговор, забежал Ташкинов. Слабоус нас познакомил, мы было схватились за блокноты, но Альберт вдруг растерянно улыбнулся и сказал:

— Ребята, у меня только пять минут...

— А у нас и вопросов-то всего два. Вот первый: что вы больше всего любите на заводе?

— Приходить в цех после праздников!

— ???

— Понимаете, тишина стоит полная, все замерло, будто неживое. А через несколько минут уже все вертится, гудит-идет наш огромный цех. И чувствуешь тут свою силу и значительность...

— А что это за стан, на котором вы работаете?

— Это совсем новый, одиннадцатый... Диаметр дает два с половиной метра! На машине можно в такую трубу заезжать — режь на части и продавай под гаражи. Но это я шучу. Такие диаметры мы сейчас не варим: спросу нет, не доросли еще потребности до таких труб, пока чуть больше двух метров варим, и вообще по плану новой техники пробуем разные трубы из разного металла. А через год начнем выполнять большой заказ — сто тысяч тонн с диаметром 2020 для водопровода Днепр — Донецк, целая река по ним пойдет... Ну ладно, побежал я, а вам советую с Сашей Русаковой поговорить, с нее первой качество у нас начинается...

Бригада Русаковой моталась взад и вперед под крышами пролетов, потому что руководит Саша крановщиками, а точнее сказать — крановщицами.

— Конечно же, с нас качество начинается,— подтвердила она.— Мы, например, должны на станы рулоны подавать и не повредить при этом, иначе какое уж там качество с помятой-то ленты. А это не так просто. Клещи, которыми захватывается рулон, сами весят тринадцать тонн, да в рулоне тонн тридцать шесть — это значит, висят на нашем кране пятьдесят «Жигулей». А работа требуется ювелирная. И, между прочим, она от многого зависит, в том числе и от настроения. В бригаде у нас тридцать шесть девчат; только пятишести всегда недосчитываемся: либо в декрете, либо малышей нянчат еще. Ну, девчата какой народ? Поссорилась с парнем — ревет, влюбилась — опять ревет. А рулону — ему же все равно, его деликатненько надо, а клещи могучие... Вот и приходится иногда перед сменой лечить кого надо душевным разговором...

Русакова — потомственная трубница. Отец ее строил Челябинский трубный завод, где, невзирая на пенсионный возраст, по сей день трудится. Сама там работала с семнадцати лет, а в восемнадцать уже вступила в партию. Сюда приехала с мужем к пуску завода — он тут же, в цехе, сварщик...

Да, стабильно работает сейчас Волжский трубный, настолько стабильно, что директор его перед самым завершением заводской пятилетки мог позволить себе уйти в творческий отпуск, уже достаточно набралось материала и на докторскую у «самого крупного спиральщика в мире», как называют его в шутку коллеги.

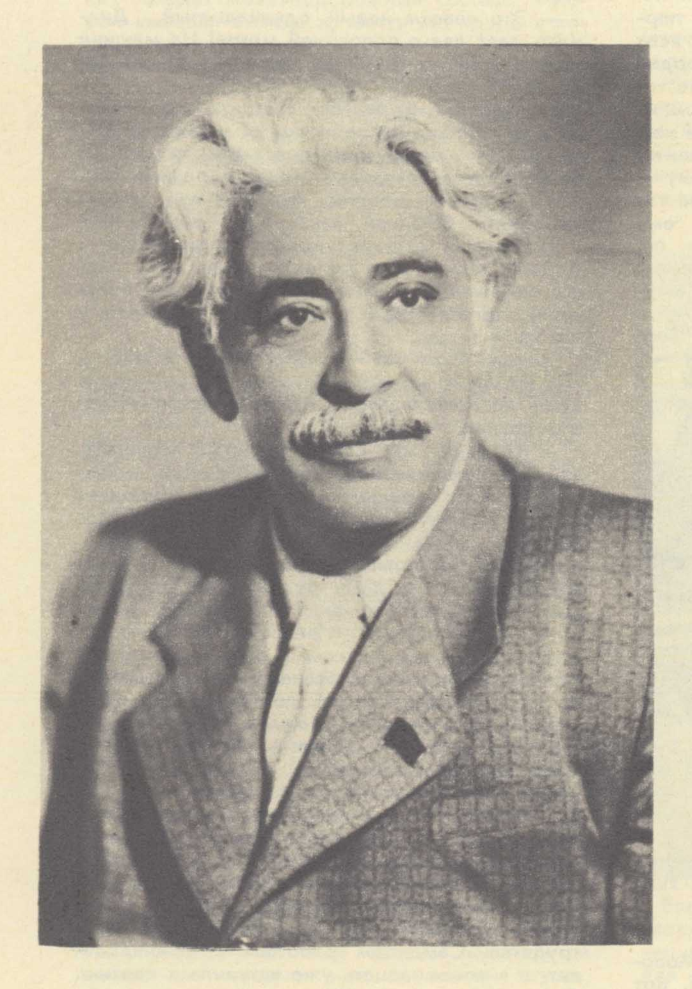
Мы поездили с ним по территории завода, снова изрытой котлованами и покрывшейся скелетами новых пролетов.

— Предстоит пуск еще одного цеха — подшипниковых труб. Гигантское производство, народу тут будет больше, чем в ныне действующем. И все повторится снова,— сокрушенно вздохнул Богатов,— опять те же заботы: и жилье, и кадры, и оборудование, и с железной дорогой воевать, чтоб не срывали поставки... А это здание, что смотрит фасадом на магистраль,— наше заводоуправление. И вычислительный центр там будет, и исследовательский отдел, и библиотека, и даже мой кабинет. А то ведь все шесть лет так и живу — на птичьих правах в цеховом помещении. И сделаем тогда все основательно: и газоны, и фонтаны, и, конечно же, сквер со скамейками...

И, заметив, как Саша, его шофер, который уже, видно, смирился, что придется весь век трястись по строительным колдобинам, недоверчиво улыбнулся, Николай Александрович быстро взглянул на него и сказал:

— А ты, Саша, не улыбайся, все уже нарисовано!

МОЯ ДУША ПОЭЗИ

Николай ТИХОНОВ

Среди голосов поэтов многих народов Советского Союза творчество классика азербайджанской советской литературы Самеда Вургуна — явление выдающееся. Самед Вургун был прославленным знаменосцем азербайджанской поэзии, талантливейшим драматургом, большим теоретиком и организатором литературы.

Полное имя народного певца социалистического Азербайджана было Самед Юсиф-оглы Векилов. Вургун, в переводе на русский язык «Влюбленный»,— его псевдоним, и он действительно был влюблен в жизнь, в поэзию, в свою прекрасную Родину.

В ставшем песней стихотворении, обращаясь к родному краю, Самед Вургун восклицал:

...Можно ль песню из горла украсть? —
Никогда!
Ты дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

Он родился в селении Салахлы, преподавал в сельской школе, потом учился в Москве и снова в Баку. Он хорошо знал жизнь, историю, культуру своего народа. Поэтический талант вывел его на широкую дорогу литературы. Вургун написал в автобиографии: «Настоящий поэт не имеет права, страшась недругов и всякого рода «осложнений», приглушать свой голос. Если поэт ощущает глубокую внутреннюю потребность говорить со своим читателем, он должен говорить с ним голосом сильным и честным, смелым и ясным. Поэт в полную силу должен выражать свою любовь к великим делам народа и свою ненависть ко всему отсталому, косному, фальшивому, что мешает нашему движению вперед».

И Самед Вургун всю жизнь следовал этим строгим положениям кодекса поэтической чести, был поэтом сильного и яркого романтического направления, поэтом-гуманистом, воспевшим труд и труженика-искателя, строителя социалистического общества, коммуниста, борющегося за свободу и независимость.

Масштаб его поэтического вдохновения виден в высоких размышлениях в поэмах «Читая Ленина» и «Знаменосец века» и в пламенном образе Георгия Димитрова, испепеляющего слуг фашизма своим негодованием. Он проникновенно писал о негре, который говорит о жестокости существования и борьбе за свободу, и рассказывал о жизни других стран, которые узнавал во время многих поездок.

Все его поэмы и книги стихов полны живым ощущением человеческого тепла, искренности, поисков правды, справедливости. Таковы «Слово о колхознице Басти», «Двадцать шесть», «Пою коммунизм», «Слово поэта» и другие.

В годы Великой Отечественной войны Самед Вургун не раз обращался к героическим делам современников, воспевая их подвиги, их доблесть и воинское умение.

В послевоенных поэмах: и в «Мугани», где раскрывались картины старой муганской степи, отсталой, заброшенной, и новой

НАРОД–ПОБЕДИТЕЛЬ

...«И шла тяжелым шагом своим русская пехота, в крови и истории своей хранившая битвы и победы... Шла пехота народа, который веками мятежно гремел, добывая себе и другим свободу... Шел здоровый народ, народ-страстотерпец, народ-победитель, великий и гениальный».

Это заключительные строки кинороманa Всеволода Вишневского «Мы, русский народ». Ныне они обрели живую плоть и кровь в одноименном спектакле Центрального академического театра Советской Армии.

Но прежде чем подведет нас к суровому и торжественному величию финала театр, мы вместе с ним еще и еще раз переживем незабываемый 1917-й, увидим, как шел процесс революционного становления солдатской массы. Создавая собственный сценический вариант кинороманa «Мы, русский народ», впервые перенося его на театральные подмостки, ЦТСА сумел сохранить главное — пламенную, неукротимую душу писателя-воина, писателя-коммуниста, верного сына и вдохновенного певца родного народа.

Постановщик спектакля «Мы, русский народ» Р. Горяев чутко, вдумчиво проник в стилистику драматурга и с помощью художника П. Белова, композитора Г. Фрида дал ей впечатляющее, масштабное театральное воплощение. История Петровского полка, встретившего Февральскую, а потом и Октябрьскую революцию 1917 года в окопах первой мировой войны, предстает на сцене историей многих судеб вчерашних крестьян и рабочих, одетых в опостылевшие шинели царской армии, изнемогающих от бессмысленной для них империалистической бойни. Всем существом своим они рвутся к миру и постепенно начинают понимать, против кого и во имя чего должны обернуть свои штыки, чтобы получить наконец мир, землю, волю и лучшую долю.

Большевистский агитатор Орел (А. Васильев), отважный, убежденный в своей идейной правоте человек, умно и своевременно несет правду ленинской партии в солдатскую массу, поднимает ее против ненавистных царских офицеров, ведет за собой, становясь во главе солдатского комитета. Орел раскрывает глаза на истинное положение дел и по-крестьянски нетороплививому Ермолаю (Н. Пастухов), и говорливому, ироничному бывшему одесскому биндюжнику Боеру (А. Михайлушкин), и разудалому, лихому весельчаку и плясуну, разжалованному фейерверкеру Алешке Медведеву (А. Крыченков).

Убедительно раскрыты в спектакле и трагический в своих заблуждениях образ солдата Вятского (Г. Юшко) и образы врагов, предателей родины — ловко маскирующегося, приспосабливающегося к быстро меняющейся политической обстановке полковника Бутурлина (А. Кутепов), яростного в своей ненависти к революции поручика Долгорукова (В. Стремовский), их выслуживающегося приспешника фельдфебеля Варварина (Б. Ситко).

Остры, напряженны развертывающиеся на сцене классовые, социальные, человеческие конфликты. Колеблется, бунтует, бродит солдатская масса. Но от эпизода к эпизоду, от схватки к схватке, через ошибки, кровь, поражения, победы выходит она на тот единственно верный путь, на котором и становится несокрушимым и непобедимым революционным монолитом.

В докладе на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал, что подлинное искусство, воссоздавая прошлое, воспитывает советского патриота, интернационалиста. Эту важную идеологическую функцию советского театрального искусства достойно выполняет и новая серьезная работа Центрального театра Советской Армии.

Н. ЛЕЙКИН

Сцена из спектакля «Мы, русский народ».

Фото И. Ефимова

ЕЙ ЖИВЕТ...

Мугани, воскресшей к жизни, плодотворной и цветущей; и в поэме «Айгюн», рисующей быт социалистического села; в неоконченной «Комсомольской поэме» — всюду мы чувствуем мастерство выдающегося поэта, который может поднять на большую поэтическую высоту характеры своих героев. «Моя душа поэзией живет» — так говорил Самед Вургун о своей судьбе.

Он одним из первых писал о нефтяниках, рассказывал в стихах о бакинских Нефтяных Камнях.

Автор глубоко лирических стихотворений, многие из которых стали народными песнями, Самед Вургун говорил в своем докладе о поэзии на Втором Всесоюзном съезде писателей: «Лирическое стихотворение, песня должны западать в душу человека и вить гнездо в его сердце и, как жар-птица, согревать его, быть спутницей человека в труде, в борьбе, в радости, печали, пробуждать в человеке добрые чувства...»

Будучи превосходным драматургом, Самед Вургун создал такие большие произведения, как драма «Вагиф», «Фархад и Ширин», «Восходит солнце». Действие этих пьес уходит в прошлое, но все они рассказывают о любви к народу, о борьбе за свободу и независимость, за свободу духа. Здесь он как бы шел по пути своих великих учителей — Низами, Физули и Мирзы Фатали Ахундова. Они совершали огромное дело, просвещая умы, зовя людей на подвиги во имя Родины.

Самед Вургун очень любил родную природу. Он воспевал красоты лесов и гор, богатства недр, виноградники, хлопок, сады и луга. Он был охотником, который не забывает о богатствах красок, плеске ручья, шуме водопада, роскоши горных долин.

И, конечно, всем сердцем любил поэт людей, населяющих эти края, своих земляков. Сколько раз я был свидетелем, как он разговаривает с колхозниками и пастухами, с рабочими и с детьми. Они все чтили его, знали его стихи, пели его песни, говорили с ним запросто о своей жизни, о своих переживаниях.

В стихах Вургуна есть особая, искренняя нежность по отношению ко всему живому:

Я должен над цветами наклониться
Не для того, чтоб рвать или срезать,
А чтоб увидеть добрые их лица
И доброе лицо им показать...

Доброе лицо своей поэзии он обращал к окружающему миру и видел, как простой человек, став незаметно для себя великаном, членом ленинского содружества народов, переделывает жизнь, строит новое, небывалое на земле общество.

Самед Вургун был великолепным переводчиком Пушкина и Руставели. Он принимал активное участие в борьбе за мир, участвовал в конгрессах и конференциях в защиту мира. У него было много друзей по всему Советскому Союзу.

Этой дружбе он остался верен до конца:

Вперед, поэты! Сильными руками
Раздвинем шире занавес времен!
В грядущее войдем большевиками
Под сенью славных ленинских знамен!

И семидесятилетие со дня рождения выдающегося поэта социалистического века, нашего друга и товарища, нашего современника и боевого соратника — славного Самеда Вургуна, мы так и будем праздновать, на пиру дружбы, под сенью этих победоносных знамен.

Самед ВУРГУН

Октябрь

Ты — светлый той, ты лучший праздник мира,
Ты сад в росе, весенний сад души.
Ты дал мне песнь, чтоб зазвенела лира,
Призвал меня и приказал: — дыши!

Тебе к лицу все красное — и реет,
Зарею вспыхнув, знамя впереди...
Давай же расцелуемся скорее,
С любовью дай прижать тебя к груди!

Был грозный день, когда твой свет, как знамя,
Из маков сшитое, взметнулся в высоту.
Небесный свод раскинулся над нами,
Чтоб каждый мог найти свою звезду.

Казалось, в небе распускались розы.
И пусть ослепнут хитрые глаза,
Глядевшие на будущее косо,—
С тех пор не затмевались небеса!

Хотя б сто лет описывал я это,
Все ж не устанет сердце бушевать
Любовью жаркой к родине Советов.
О, если б мог тебя расцеловать!

Там, где тебя встречают,— оживают
Сердца и песни, воды и пески.
В скупой пустыне маки расцветают,
Протягивая к солнцу лепестки.

Тебе к лицу все красное — и реет,
Зарею вспыхнув, знамя впереди...
Давай же расцелуемся скорее,
С любовью дай прижать тебя к груди!

Перевел с азербайджанского
А. ОЙСЛЕНДЕР.

ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ

Известному донскому писателю Петру Васильевичу Лебеденко — шестьдесят лет. Это та веха писательского возраста, когда правомерно оглянуться на пройденные годы.

Жизнь у Петра Лебеденко была нелегкой. Но, кажется, сама суровая природа Урала наделила сына рыбака из небольшого города Сарапула волей, твердостью характера, упрямым желанием пойти туда, где потруднее. Когда с Урала семья переехала на Дон, глазам подростка открылся удивительный и самобытный край: с легендами о лихой казачьей удали, с турецкими разбитыми пороховыми погребами, со старинными крепостными валами, с удалыми и печальными песнями...

Двадцатилетним пареньком по комсомольской путевке Петр Лебеденко поступил в знаменитое Батайское летное училище. Успешно окончил его. Не менее успешно работал летчиком на севере страны.

Большую школу мужества познал в годы войны. Отважный боевой летчик совершил около восьмисот боевых вылетов в небе Закавказского, Северо-Кавказского, Южного и Второго Украинского фронтов. Вступил в ряды Коммунистической партии. За годы ратной и трудовой жизни — шестнадцать правительственных наград, в том числе ордена Красного Знамени, Отечественной войны первой и второй степени, орден «Знак Почета», которым Петр Лебеденко был награжден за литературную деятельность.

После войны Лебеденко поселился в небольшом донском городе Миллерово, хорошо известном читателям по шолоховским романам. Тут-то бывший военный летчик и написал свою первую книгу со скромным названием «Сказки Тихого Дона». Случилось так, что литературным наставником молодого автора оказался житель соседней станицы Вешенской — общительный и обходительный человек с чуть грустными глазами, в которых, кажется, навечно поселилось раздумье, с чуть хрипловатым голосом охотника, с лукаво затаившейся в пшеничных усах улыбкой... Этого вешенца — Михаила Александровича Шолохова — Петр Лебеденко, служивший в ту пору на Миллеровском аэродроме, часто перевозил на маленьком самолете из станицы в Миллерово или в Ростов и из Ростова в станицу.

Книги Лебеденко сразу привлекли внимание читателей. Вслед за приключенческой повестью «В дальнем лимане» появился роман «Навстречу ветрам» — о боевых летчиках. Военной теме была посвящена и повесть «Шхуна «Мальва». К этой книге горячо потянулись сверстники ее юных героев.

Ныне П. В. Лебеденко — ответственный секретарь Ростовской областной писательской организации, член правления Союза писателей РСФСР. Свой юбилей он встречает новым произведением — второй книгой романа «Черные листья», которую отличает обостренное ощущение времени, точное восприятие того, чем живет страна — черты, характерные для всего творчества Петра Лебеденко.

Михаил АНДРИАСОВ

БОРЖОМИ — БАКУРИАНИ

Б. СМИРНОВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО
специальные корреспонденты «Огонька»

Все мы разбираемся в географии, особенно когда дело идет к отпуску: спроси любого — и он авторитетно растолкует, что туда-то надо ехать летом, а туда-то зимой. Но бывает, что этот стереотип мышления нас подводит. И когда я собирался в Боржоми, знакомые удивленно пожимали плечами: что там делать зимой? Мертвый сезон.

Приключения начались сразу же, как только поезд вошел в предгорье. Мы подолгу стояли на полустанках, и проводник многозначительно объяснял встревоженным пассажирам: заносы! Маленькие платформы тонули в снегу, только фонарные столбы торчали над белой равниной, и на них, на столбах, каким-то чудом держались метровой высоты шапки легчайшего, почти прозрачного снега.

Снег... Им не удивишь горную Грузию, но в этом году его выпало столько, что, как говорится, старожилы не припомнят. Обычно желанный и всеми любимый, снег стал подлинным бедствием для Кавказа: завалы на дорогах, отрезанные горные селения, лавины, обвалы... Но здесь, в рассказе о Боржоми, мы не будем касаться капризов погоды, хотя необычная зима внесла много тревожных хлопот в размеренную жизнь Боржомского ущелья.

...Маленький, ажурный, словно игрушечный, вокзал; скрип снега на аллеях сквера, тихие крутые улочки по склонам горы. Это Боржоми. Может быть, тем, кто не представляет себе Боржоми без летнего зноя и гомона курортного города, такое описание покажется странным, но как объяснить еще и то, что зимой здесь воздух пахнет арбузами? Как передать ощущение сказочности, возникающее из зимней тишины, от снежных карнизов, толстых сосулек, уютного теплого света окон? Даже речка Боржомка шумит зимой, кажется, злее, чем летом, ведь сейчас ей надо ворочать такие неудобные ледяные валуны...

— Боржоми — это комплекс,— говорит начальник Боржомского курортного управления Вахтанг Филимонович Хуцишвили.— Знаменитые минеральные воды. Мягкий климат предгорья. Двести солнечных дней в году. Прекрасно оборудованные лечебницы. Мощные разливочные заводы. Старейший в Грузии, известный с прошлого века курорт... Достаточно? — улыбается Вахтанг Филимонович.— Я двадцать три года работаю в Боржоми и все не перестаю удивляться этому благодатному краю. Побывавший здесь великий композитор Чайковский назвал Боржоми самым божественным и чудеснейшим уголком на земле! Но раньше здесь были только горный пейзаж и целебные воды, теперь появились и прекрасные здравницы, которые могут предложить самый полный курс лечения. Да, Боржоми стал настоящим лечебным курортом.

И пусть простят меня те, кто не жалуется на здоровье. Их я сюда не приглашаю. Ведь хорошо отдохнуть можно и в любом другом месте, верно? А боржомская долина у нас одна-единственная, и люди больные, особенно желудочники, порой могут только здесь получить эффективную помощь. Грех не пойти им навстречу. Сюда приезжают долечиваться, восстанавливать здоровье после операций. Курорт Боржоми в этом отношении незаменим...

Из длинного списка здравниц мы выбрали самую крупную — санаторий «Ликани». Это целый городок на лесистом берегу Куры. Старые, массивные корпуса и легкие, современные — стекло, металл, бетон. Заснеженные аллеи, беседки... Кандидат медицинских наук, заместитель главврача Эммануил Самойлович Двалишвили вел нас из одного кабинета в другой. Можно было бы не говорить о том, что все эти комнаты плотно начинены различной аппаратурой — кого удивишь сейчас медицинским оборудованием, даже самым совершенным! — если бы не одна их особенность: многие приборы и аппараты сделаны руками Двалишвили и его сотрудников. На счету у него — пятнадцать запатентованных изобретений, двадцать пять приоритетных справок.

— В нашей районной больнице меня лечили полгода,— рассказывает приехавший из Цагерского района звеньевой Мираб Пейкришвили.— Нашли у меня холецистит и язву. Дали путевку в Боржоми. Клянусь внуками, я не думал, что смогу так быстро вылечиться. Язва зарубцевалась, и я поправился на четыре килограмма. Это было год назад. Сейчас приехал сюда второй раз, в отпуск, чтобы болезнь никогда больше не повторилась...

В поезде, за остановку до Боржоми, оставшиеся в вагонах с завистью наблюдали, как шумная когорта лыжников пересаживалась в пестрые вагончики узкоколейки с табличками «Бакуриани».

Бакуриани — это ослепительное горное солнце, запах сосен, вихревые скорости на крутых склонах и две недели веселого отдыха. Герб Бакуриани — солнце и лыжи. Трудно поверить, что не так давно в этом горном поселке, венчающем Боржомское ущелье, и не думали о спорте, рекордах, снежных трассах. А сейчас спроси здесь любого, и он назовет самого почетного гражданина Бакуриани: Коба Цакадзе, чемпион страны по прыжкам на лыжах с трамплина, победитель и призер множества чемпионатов и первенств. Вы найдете кубки и медали Цакадзе в разных домах поселка, у молодых бакурианцев: сам Коба ушел из большого спорта, и теперь он вручает призы своим юным землякам, которые одерживают первые победы на местных соревнованиях.

...В выходной день мало кто остается в поселке — все тянутся к горам, к трассе саночников, к станциям канатных дорог. Кобу Цакадзе мы тоже нашли на склоне горы Кохта. Он стоял на горных лыжах и следил, как маленький Цакадзе, шестилетний Кахи, бесстрашно «вписывался» на большой скорости в ворота мужской слаломной трассы.

— Уж слишком он отчаянный,— качал головой Коба,—правда, все бакурианские мальчишки сейчас растут такими смелыми. А наши родители боялись пускать нас на горы. Старухи, когда лыжи видели, крестились...

— Кахи, наверное, тоже будет прыгуном?

— Пусть сам выбирает, что захочет! В Бакуриани можно заниматься любыми видами зимнего спорта. Жаль, не все это понимают,— вздыхает Коба.

Цакадзе работает директором местной турбазы. Работает давно, и ему, наверное, как никому другому, понятны все стоящие перед Бакуриани проблемы:

— Ко мне на турбазу приезжают лыжники со всего Союза, по двести шестьдесят человек в месяц. Когда мы интересуемся их впечатлениями, они отвечают примерно так: восхищены и разочарованы. Восхищены горами и разочарованы условиями, в которых приходится жить. Турбаза неудобная, нет бани, нет общей газовой котельной... Я считаю, что турбаза отстает от времени лет на тридцать. На других базах и в пансионатах условия не лучше. Все построено здесь на скорую руку, без учета специфики гор.

Мне пришлось побывать на лучших горных базах мира, и я с полной уверенностью могу сказать: лучшего по природным условиям места, чем Бакуриани, я не видел! И строить здесь надо в комплексе, рационально, чтобы доставлять радость людям и не нарушать красоты, величия гор. Тогда здесь смогут отдыхать и тренироваться тысячи людей!.. Пока же канатно-кресельных дорог явно недостаточно. Есть тут прекрасные склоны, которые еще не освоены. Санную трассу построили так, что при первых же солнечных днях она тает, приходится соревноваться по ночам. От баз и гостиницы до подъемников надо идти пешком около часа. А дороги? До Тбилиси автобус идет полдня, а вертолет мог бы долететь за тридцать пять минут. Но нет вертолетной площадки, хотя препятствий для ее сооружения, кажется, не имеется. Можно поставить у нас новые мощные трамплины, залить великолепный горный каток — вода здесь, по анализам, такая же, как в Медео... Это я говорю, как местный житель и директор турбазы. А как спортсмен, добавлю: есть все условия для того, чтобы создать тут всесоюзную базу подготовки спортсменов.

— Вы согласны с мнением Кобы Цакадзе? — спросили мы у главного архитектора Боржомского района Фрондоса Шалвовича Абуладзе.

— Согласен. Строго говоря, в Бакуриани все надо переделывать. Уже сейчас там приостановлено строительство до того времени, когда будет разработан генеральный план развития Бакуриани. Над этим планом работает группа архитекторов «Грузингипрогорстроя».

— Архитектурная проблема Бакуриани — лишь часть всей проблемы Боржомского ущелья,— подытожил наш разговор Шота Иванович Чаланидзе, первый секретарь Боржомского райкома партии.— Курортные помещения создавались здесь еще в прошлом веке. Кто строил дворец, кто — дощатый барак, появлялись огромные санаторные корпуса и маленькие ведомственные дачки. Подобная хаотичная, бесплановая застройка должна прекратиться. Многие старые здравницы нас уже не удовлетворяют по уровню комфорта, их надо реконструировать... Геологическая разведка показывает, что запасы нашей знаменитой минеральной боржомской воды очень велики. Значит, курорт должен расти!

Вот новостройки последнего времени: девятиэтажный пансионат «Плато» на 350 мест, корпуса санатория «Ликани» на 500 мест, четырнадцатиэтажный санаторий «Горное ущелье» на 500 мест, намечено строительство еще трех пансионатов на 1500 мест... Как видите, появилась тенденция — расти этажам вверх. А это легко может привести к тому, что Боржоми потеряет свое лицо... По-моему, пришла пора уделять больше внимания индивидуальным проектам, таким, которые вписывались бы в ландшафт, в ансамбль Кавказских гор. Есть все возможности создать здесь зону отдыха международного класса, разумно разместив в ущелье целый каскад лечебниц, санаториев, пансионатов и спортивных баз — от Боржоми до Бакуриани.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ: Медея Гоголадзе — комсомольский вожак из Боржоми.

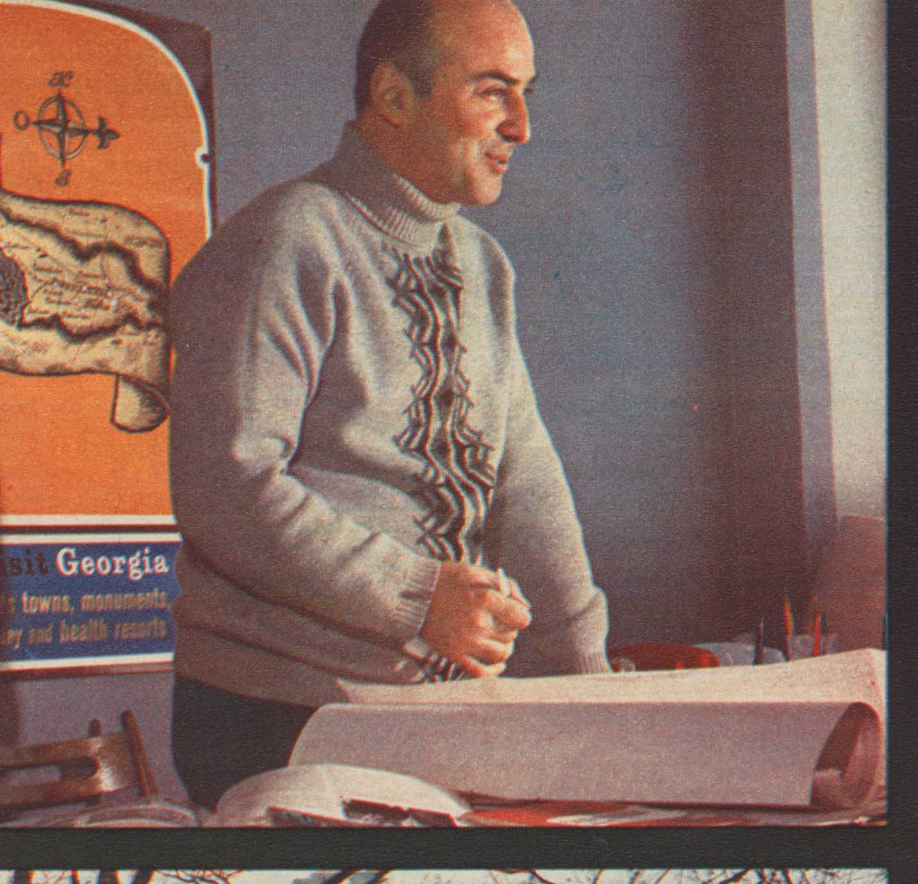
Бакуриани. Спортивная база «Буревестник».

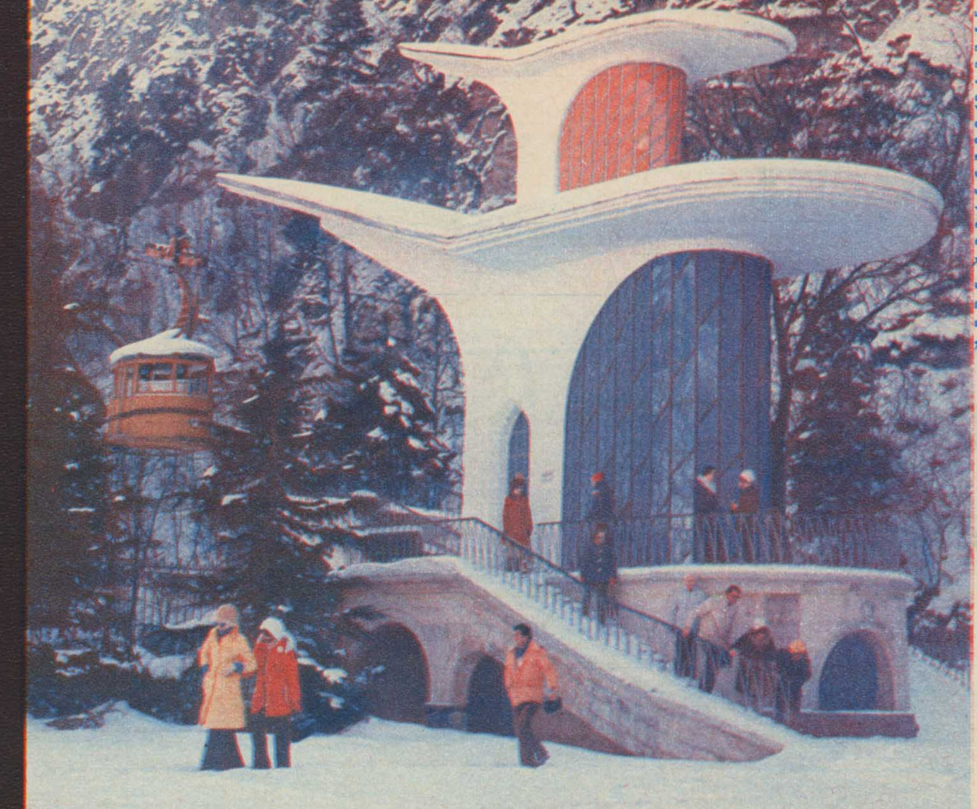
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В Боржоми, как всегда, солнечно.

94-49

Georgia
towns, monuments,
and health resorts

Семен ДАНИЛОВ

Голоса земли

САХАЙА

Раз в разгаре весеннего ясного дня
Сахайа чуть смущенно спросила меня,
Гребнем трогая пышные волосы:
— Глянь: взвивается жаворонок в небосвод,
Почему по весне он так звонко поет,
А потом остается без голоса?

Объясни мне, пожалуйста, в чаще лесной
Почему голосиста кукушка весной
И становится к лету заикою?
Почему по весне тайга столь хороша
И к деревьям и травам стремится душа,
Словно таинство чуя великое?

И спросила еще, припадая ко мне:
— Видишь — утки летят в голубой вышине?
О, как празднично их оперение!
Почему так смеется, играет вода,
Почему наступает с весною всегда
Праздник дивный для слуха и зрения?

И воскликнул в ответ я, от счастья хмельной:
— Потому что Любовь правит миром весной,
От нее — и цветов колыханье,
И пыльца, осыпающаяся в ручьи,
И улыбка твоя, и вопросы твои,
И стесненное это дыхание...

●

Люблю я голоса земли моей:
Распевы птиц и шорохи ветвей.

Я слыхивал все это много раз —
И вновь с волненьем слушаю сейчас.

Как будто впрямь не слышал никогда,
Как шепчут листья, как поет вода.

Ведь всякий — пусть знакомый! — цвет и злак
Неповторим, как некий вещий знак,

И на коре полоска ни одна
Не будет никогда повторена.

Все листья схожи, но повторов нет.
Не в том ли, друг мой, вечности секрет?

Из века в век течет, пленяя взор,
Ни в чем не повторяемый узор.

Стою и размышляю в тишине:
«Таким остаться в песнях бы и мне!

Искать, не повторяться, не коснеть!
Ведь повторенье — это значит смерть...»

ЗА ГОРОЙ ЛЭКЭ, ЗА ПЕРЕВАЛОМ

За горой Лэкэ, за перевалом
Потерял я свежий след медведя.
Но зато с горы свой край увидел
В утреннем великолепном свете!

В памяти останется надолго
Это несравненное мгновенье.
И ко мне моя слетела Муза,
И возникло в сердце вдохновенье.

И душа стихом заговорила
И всему живому отвечала,
Шла она по всем дорогам сразу,
Города и села посещала.

Я в моторке мчался по Алдану
И одновременно — очень просто! —
Поспешал по ягодной тропинке
С туеском красивым из бересты.

И входили в песню по-хозяйски
Люди: косари и лесорубы.
Видел я их золотые руки,
На ветру потресканные губы.

Видел их открытые улыбки,
И читал я, вглядываясь в лица,
Радость потрудиться ради счастья,
Радость этим счастьем поделиться.

Лишь старик, чье скошенное сено
Половодье унесло, лютуя,
У реки сидел, задумчив, грустен,
На судьбу, должно быть, негодуя.

Принял я в сердце радость и печаль я.
Птицы в высоту взмывали, клича.
Стала мне, охотнику, наградой
Птица-песня — дивная добыча!

За горой Лэкэ, за перевалом
Потерял я свежий след медведя.
Но не жалко! Слышишь, мишка бурый?
Будь здоров! Живи сто лет на свете!

НАСМЕШЛИВЫЙ МЕСЯЦ

В детстве раз полететь я решил.
Осрамился, конечно, увы:
Сколько за уши вверх ни тащил
Сам себя — безуспешно, увы!
А насмешливый месяц в окне
Улыбался: «Что, больно, глупыш?
Брось, не хнычь,— он нашептывал мне,—
Станешь старше — авось, полетишь!»

Пылким юношей лет двадцати
Я о девушке грезил одной,
Но при людях не смог подойти
И... сбежал от смущенья домой.
А насмешливый месяц в окне
Сковородки чугунной круглей:
«Эх, влюбленный! — подмигивал мне.—
Неужели нельзя быть смелей?»

Мужем зрелым с годами я стал,
И однажды, в нерадостный час,
Показалось: я сломлен, устал,
Песни спеты, и дар мой угас.
А насмешливый месяц в окне,
Озаряя небесную высь:
«Эх, поэт! — выговаривал мне.—
Рано сник ты! А ну, ободрись!»

День за днем, год за годом летит,
Как с деревьев осенних листва.
И не так уже взор мой блестит,
И седеет моя голова.
Но и эти года не беда,
Лишь бы ты не забыл обо мне,
Говорил бы со мной иногда,
О насмешливый месяц в окне!

ДРУГУ-ПОЭТУ

Заки Нури

Мы по жизни идем, постепенно белея,
Любопытством глаза не устали цвести,
Но уже застают нас врасплох юбилеи,
Как засады на трудном солдатском пути.

Это необратимо. И все же и все же
Утверждаю, что нам не страшна седина.
Пусть состаримся мы, лишь была бы моложе
И прекрасней любимая наша страна.

Впрочем, некий секрет, знать, и нам был подарен,
И над нами наш возраст не так всемогущ —
Ты согласен со мной, друг мой, рослый татарин —
Партизан белорусских нехоженых пущ?

Твой отряд молодцов разных судеб и наций
Был грозой для фашистов в былые года.
Всем ищейкам врага за тобой не угнаться
После смелых налетов бывало тогда!

Ты шагал по тропе — автомат за плечами.
Выжидал, затаившийся, в березняке.
Добывал «языка». А в землянке ночами
Ты стихи сочинял на родном языке.

Парень с Волги, ты смерти в лицо улыбался,
Грелся шуткой лихой на лихом холоду.
На любом сумасшедшем ветру не сгибался
И встречал, не теряясь, любую беду.

Хоть не рядом живешь ты, а все-таки рядом!
Мне знакомо руки твоей сильной тепло.
И когда мы, встречаясь, встречаемся взглядом,
Говорю я, что мне на друзей повезло.

Будем жить, о прошедших годах не жалея,
Нам немало еще совершить и найти,
И пускай застают нас врасплох юбилеи,
Как засады на трудном солдатском пути!

Перевел с якутского
Илья ФОНЯКОВ.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ: Главный архитектор Боржоми Ф. Абуладзе. ● Ущелье курортов. ● Рождается любительская лента о санатории «Ликани». Режиссер ее — Э. Двалишвили, ассистенты — барнаулец И. Гусельников и уфимка Л. Булатова. ● Станция канатной дороги. ● Народный артист Грузинской ССР Д. Абашидзе отдыхом доволен. ● Одна из здравниц.

ЧЕРТОВЩИНА,

ИЛИ

ЛЖЕПРОРОКИ НА СЛУЖБЕ АНТИКОММУНИЗМА

Юрий ЖУКОВ

I

Среди сотен рабочих папок, заполняющих шкафы, стоящие вдоль стен в моем кабинете в редакции «Правды», есть и такая: «Чертовщина». Я завел эту папку, помнится, еще в одна тысяча девятьсот сорок восьмом году, работая корреспондентом в Париже. По молодости лет и по недостаточному знанию образа жизни Запада я поразился тогда обилию заполняющих там день за днем, год за годом страницы газет сообщений о гадалках, прорицателях, колдунах, знахарях, шарлатанах-проповедниках, «слугах дьявола» и основателях новых и новых религий и сект. Откладывая эти сообщения как курьезы в свою папку под столь лихим названием, я тогда, по правде сказать, не придавал им большого значения, но затем мало-помалу понял, что в действительности речь идет вовсе не о мелочишках из области забавных газетных деталей и отнюдь не о каких-то пережитках прошлого, а об одной из немаловажных сторон продуманной и целеустремленной системы воздействия на умы людей в совершенно определенном идейно-политическом направлении.

В этом меня окончательно убедила странная и кажущаяся поистине невероятной недавняя история о том, как одному изворотливому дельцу из Южной Кореи удалось с помощью своих могущественных покровителей использовать сию чертовщину для того, чтобы возвести антикоммунизм — да-да, антикоммунизм! — в ранг самоновейшей религии и взяться за распространение этой освещенной неким потусторонним светом религии по всему белу свету.

Невероятно, но факт: этому изворотливому ловцу душ человеческих удается собирать колоссальные толпы; у него уже немало «апостолов»; в целом ряде стран он завел филиалы своей новой антикоммунистической секты; о ней пишут многие газеты, ее деятельность широко освещает телевидение, ей посвящаются книги и кинофильмы...

И вот мне подумалось: пожалуй, советскому читателю будет небезынтересно познакомиться с тем, сколь изощренно и ловко действуют подчас те, для кого все средства хороши, чтобы оболванить людей, отучить их мыслить и превратить в бездушные автоматы, готовые поверить в бредни очередного проповедника антикоммунизма. Ведь этот делец из Южной Кореи, присвоивший себе странное двуязычное имя Сан Мьюнг Мун (Sun — по-английски значит «солнце», Moon — «луна», Myung — его собственное имя), — не первый и не последний в этой длинной цепи.

ВСТРЕЧА С АГА-ХАНОМ

Мне вспоминается сейчас, как теплым летним вечером 1949 года после премьеры в парижской Гранд-опера, где присутствовал, как говорится, «весь Париж», из зала выходил невероятно толстый пожилой господин в смокинге под руку с красивой женщиной. Толпа почтительно расступилась перед ними. Эта чета медленно и важно проследовала к роскошному «роллс-ройсу». Шофер в парадной униформе почтительно открыл дверцу, чета уселась, дверца захлопнулась, и машина умчалась.

— Кто это? — спросил я знакомого парижанина.

— Как? Разве вы не знаете? Ведь это сам Ага-хан...

И я сразу же вспомнил опубликованный в газетах удивительный снимок: этот же самый господин, только в ритуальной одежде, сидит на чаше огромных весов, а на другой чаше — уравновешивающие его слитки платины. Это был глава знаменитой секты исмаилитов, распространенной в Азии и в Африке; верующие, видевшие в нем святого, были обязаны весь год копить деньги и вносить их представителям главы секты; на их деньги приобреталась платина, и в конце года Ага-хану вручалась дань в размере веса его могучего тела...

Эта история уходит своими корнями в глубь веков. Секта исмаилитов представляет собой одно из самых экстремистских, наиболее фанатичных течений шиитского ответвления мусульманской религии. Оно возникло еще в восьмом веке нашей эры.

Исмаилиты следуют учению имама Исмаила (арабское слово «имам» означает «находящийся впереди»), который, согласно религиозному преданию, происходил от дочери Магомета Фатимы и ее мужа Али, основателя шиитской ветви ислама. Толкуя коран на свой манер, теологи исмаилитов придали в средние века своей секте тайный, конспиративный характер. В ней было семь ступеней посвящения, причем рядовым верующим разрешалось пройти только две ступени, а к высшей ступени посвященных относились лишь немногие руководители — феодалы, которым все члены секты должны были беспрекословно повиноваться и платить дань.

Ловкие исламские деятели не раз использовали фанатических исмаилитов для своих политических целей. Во главе секты в разные времена стояли разные династии халифов, королей, султанов, причем духовные центры исмаилитов перемещались из страны в страну. Вначале таким центром был Египет, потом Йемен, потом Сирия, потом Ирак, потом Индия.

В начале XIX века духовным вождем исмаилитов стал Хасан Али, губернатор персидской провинции Керман, пользовавшийся благосклонностью шаха. Он-то и был первым руководителем секты, который присвоил себе титул Ага-хан.

Ага-хан Первый отплатил черной неблагодарностью шаху, который ему мирволил: в 1838 году он поднял своих последователей на священную войну против него, но был разбит и бежал в Индию. Здесь его приметили английские колонизаторы, смекнувшие, что этот духовный вождь может им пригодиться для того, чтобы ослабить сопротивление покоряемых ими мусульманских государств.

Ага-хан согласился им служить и, в частности, помогал Англии в 1839—1842 годах вести войну против Афганистана и завоевать индийские территории в 1842—1843 годах. За эти свои сомнительные заслуги он получил право именоваться «его высочеством». После этого Ага-хан Первый обосновался в захваченном англичанами Бомбее и захватил в Индии огромные земельные угодья, которыми его потомки распоряжаются до сих пор. Правил исмаилитами он долго, до самой смерти в 1881 году. История свидетельствует о том, что исмаилиты бунтовали против своего духовного вождя, который посылал их на смерть за дело колонизаторов, но он с помощью своих покровителей восстанавливал командные позиции в секте.

Сын Хасана Али, которого тоже звали Али, придя на смену папаше, принял имя Ага-хана Второго, но хозяйничал недолго — умер он в Пуне, неподалеку от Бомбея, и в августе 1895 года его сменил восьмилетний (!) сын Мохаммед, ставший Ага-ханом Третьим, с ним-то и свел меня случай пятьдесят три года спустя на мраморных ступенях Гранд-опера в Париже.

Разумеется, пока Ага-хан Третий рос и учился, его именем правили приставленные к нему английскими колонизаторами попечители. Воспитывали его в духе рабской покорности Лондону. «Ему было дано не только религиозное и восточное обучение, но и западное, — говорится в «Британской энциклопедии». — Старательно занимаясь делами своей собственной секты, он быстро завоевал ведущую роль среди всех индийских мусульман и в мире ислама в целом».

Доверие своих попечителей Ага-хан Третий полностью оправдал. Когда началась первая мировая война, Ага-хан Третий разослал всем руководящим центрам секты исмаилитов на территориях, находившихся под британским контролем, телеграммы с требованием беспрекословно подчиняться любым приказам колониальных властей.

Как известно, мусульманская Турция в этой войне выступила против христианской Англии и ее союзников, которые к тому же были угнетателями колоний, населенных последователями ислама. Тем не менее Ага-хан Третий издал манифест с требованием, чтобы все мусульмане, живущие в пределах Британской империи, оставались лояльны по отношению к колониальным властям.

Колонизаторы не забыли его услуг. Когда война окончилась, в честь Ага-хана Третьего был дан салют из одиннадцати орудий. Вскоре ему представился случай еще раз продемонстрировать свою верность британской короне. В двадцатые годы он по подсказке своих английских друзей отдал приказ исмаилитам начать священную войну против безбожного Советского Союза. Люди старшего поколения хорошо помнят их вторжения в Советскую Среднюю Азию — эти посланцы Ага-хана Третьего именовались басмачами...

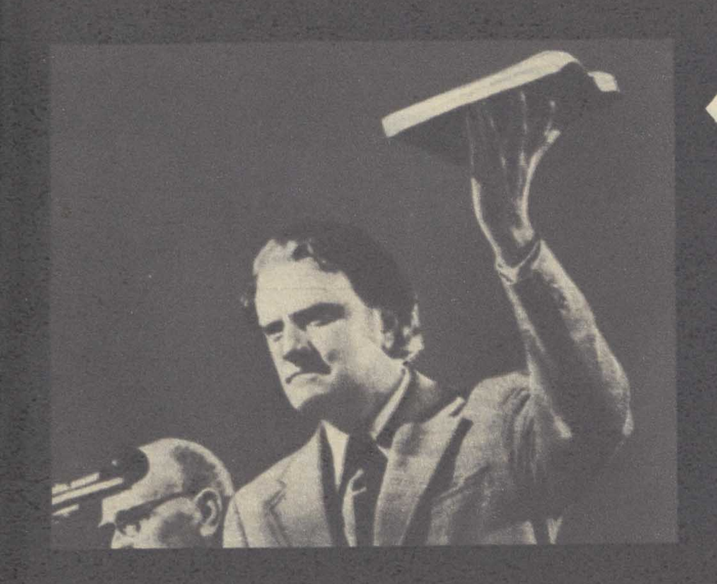
В годы второй мировой войны духовный вождь исмаилитов счел за благо удалиться в нейтральную Швейцарию, чтобы выждать и поглядеть, как развернутся события. Он поселился там в чудесном курортном городке Версуа. Свои досуги он посвящал наблюдениям за лошадиными скачками: это был его любимейший вид спорта. Коль скоро Ага-хан был феноменально богат, ему удалось скупить самых лучших коней, и его жокеи пять раз выигрывали дерби в Великобритании.

В послевоенные годы Ага-хан Третий часто приезжал погостить и приятно провести время во Франции. Пока двадцать миллионов верующих в Азии и Африке гнули спину, умножая богатства этого человека, который именем аллаха был волен распоряжаться их жизнью и смертью, сам он беззаботно проводил время с красавицей женой, бывшей манекенщицей модного портновского дома, то на фешенебельном северном курорте Довиле, то на южном Лазурном берегу.

Газеты в ту пору пестрели сенсационными сообщениями светских хроникеров о том, где и как развлекается Ага-хан Третий, но еще больше внимания уделялось скандальным похождениям его старшего сына Али-хана, который, по положению, должен был в будущем стать Ага-ханом Четвертым, возглавляя исмаилитов.

Родившийся в 1911 году в Турине, Али-хан был весьма далек от религиозных интересов. Его матерью была первая жена Ага-хана — бывшая итальянская балерина Тереза Мальяро. Когда Ага-хан с нею развелся, Али был отправлен на учебу в Англию. Но об образовании он думал мало. Колоссальное богатство отца давало ему возможность удовлетворять любые прихоти.

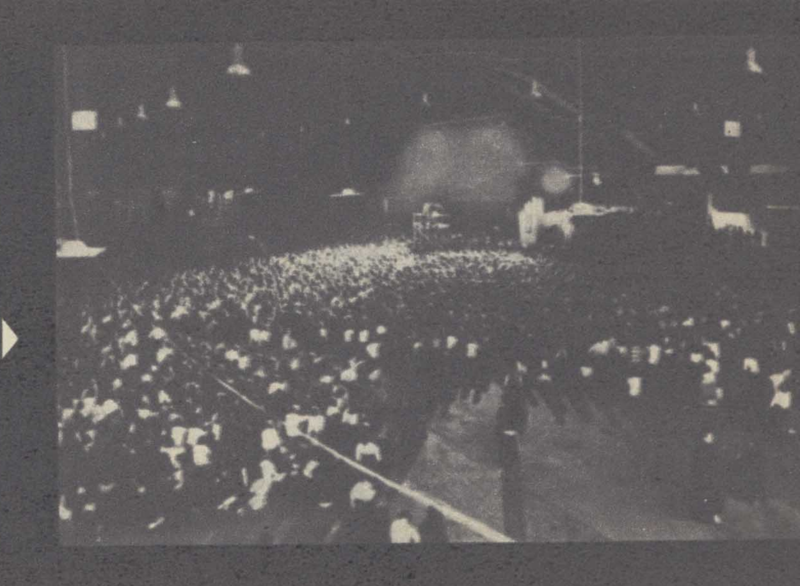
Унаследовав от Ага-хана Третьего страсть к лошадям, Али увлекся скачками, — сам выступал в роли жокея. Потом занимался автомобильными гонками, авиаспортом, охотой на диких зверей в Африке. Его женили на баронессе Чарлстон, но радости семейные его не интересовали, и, когда жена родила ему двух сыновей, он развелся с баронессой и начал вести привольную жизнь беглого холостяка. Газеты присвоили ему кличку «playboy», что можно перевести как «шалун», но шалости эти были отнюдь не невинными.

Американский евангелист Билли Грэхэм объявляет своим последователям, собравшимся на стадионе в Брюсселе, о приближении «термоядерного светопреставления».

Так выглядят сборища, организуемые во всех концах света американским проповедником Билли Грэхэмом, который, по выражению французского журнала «Нувель обсерватер», «виртуозно играл на смятении толпы, внушал им уважение к существующему строю угрозами, что бог покарает несогласных».

Фото из журналов «Пари-матч» и «Нувель обсерватер»

В 1957 году Ага-хан Третий серьезно заболел, и пришло время решать вопрос о его преемнике. Влиятельные лидеры исмаилитов воспротивились тому, чтобы им стал лихой Али-хан. Тогда Ага-хан вызвал из Соединенных Штатов своего молодого внука Карима, обучавшегося в Гарвардском университете. Как и его отец Али-хан, он меньше всего думал об исмаилитах и их религиозных проблемах. Карим был британским подданным и даже не знал арабского языка, на котором написан коран. Родившийся в Женеве в 1937 году, он был, по сути дела, европейцем, к тому же воспитывавшимся на американский лад. Он увлекался игрой в футбол и хоккей и совершенно не интересовался высокими материями.

Но суровый дед и слушать не хотел его возражений против перехода к религиозной карьере. Он завещал ему пост имама, и 11 июля 1957 года, когда Ага-хан Третий скончался, Карим был провозглашен Ага-ханом Четвертым. Соответствующая торжественная церемония состоялась в Дар-эс-Саламе, в тогдашней Танганьике (ныне Танзания), затем эта церемония была повторена в Кении, Уганде, Индии, Пакистане и в других странах, где живут исмаилиты.

В сентябре 1958 года новый владыка этой двадцатимиллионной секты вернулся в Гарвард заканчивать образование. Одновременно ему пришлось спешно осваивать премудрость корана и заниматься отправлением религиозных обрядов. Однако от прежних страстей ему отделываться было трудновато, и он все же находил время для светских развлечений.

Год спустя Кариму, то бишь Ага-хану Четвертому, вручили диплом, и ему пришлось снова отправляться в паломничество по мусульманскому миру для встреч с поклонявшимися ему верующими. Как дед, как прадед и как прапрадед, он сохранил свою верность правителям Великобритании, и в знак признательности королева Елизавета Вторая разрешила ему, как и его предкам, именоваться «его высочеством» и наградила его экзотическим орденом — «бриллиантовой звездой Занзибара».

Живет этот Ага-хан Четвертый в Лондоне, в доме своей матери, английской баронессы, а двадцать миллионов африканцев и азиатов вынуждены поклоняться ему как духовному учителю, который строго предупреждает их, что «религия несовместна с коммунизмом», и платить ему дань.

Странно? Удивительно? Но вот в справочнике «Текущая биография» я прочел такие строки: «Ага-хан (Четвертый) не видит парадокса в том, что, будучи человеком Запада, он является лидером 20 000 000 мусульман. «Часто,— говорит он,— можно лучше понять их проблемы, если живешь вдали от них и посещаешь их лишь от случая к случаю». Поскольку его визиты в мусульманские страны более чем редки, он, возможно, является идеальным человеком для своих последователей в двадцатом веке».

Вот так-то!

ЗНАКОМЬТЕСЬ: БИЛЛИ ГРЭХЭМ

Немногим ранее своей случайной встречи с Ага-ханом Третьим в Париже я видел в Нью-Йорке другого ловца человеческих душ, действовавшего в иной среде и притом иными, более современными приемами, нежели мусульманские имамы. Это был знаменитый, хотя тогда еще очень молодой, евангелистский проповедник Билли Грэхэм. Его звезда взошла уже после мировой войны. Это был типичный американец — рослый, плечистый, спортивного вида, с квадратным подбородком, ослепительно улыбающийся и обладавший звучным голосом,— он буквально очаровывал аудиторию, хотя в его проповедях речь шла о вещах отнюдь не веселых, скорее даже весьма мрачных. Собирая на стадионах стотысячные толпы, Билли Грэхэм возвещал, что близится светопреставление, потому что люди забывают бога и поддаются влиянию коммунистических идей. Он призывал их вернуться к Иисусу Христу, чтобы обрести спасение.

Такой проповедник явился находкой для тех, кто в ту пору начинал «холодную войну». На него щедро полился золотой дождь. Его принимали президенты, он играл в гольф с миллиардерами, ему помогли создать «Ассоциацию Билли Грэхэма» с огромным капиталом, и его выступления быстро превратились в огромные, типично американские шоу с участием хора в составе 400 человек, с телевизионными камерами, с огромным обслуживающим персоналом.

Менялись президенты, американская политика шла зигзагами, а Билли Грэхэм оставался неизменным, и реклама делала свое дело, поддерживая его славу целителя душ. В годы войны во Вьетнаме он не раз выезжал туда, устраивая свои религиозные шоу перед американскими солдатами,— он выступал там, одетый в военную форму, а газеты рекламировали его проповеди о важности войны с безбожниками.

Осенью прошлого года немного постаревший, но все еще сохраняющий спортивную форму Билли Грэхэм высадился со своим десантом певцов и сотрудников в Западной Европе, где понадобились его гастроли. Теперь ежегодный бюджет его «ассоциации» достиг 15 миллионов долларов. Газеты писали, что в мире религий это вторая по размеру сумма после бюджета Ватикана. У него ежемесячный журнал «Решение» тиражом в 4 миллиона экземпляров и регулярная радиотелевизионная передача «Час решения», которую транслируют девятьсот семьдесят пять передатчиков по всему миру. Превосходно поставленная реклама недавно сообщила, будто за 30 лет на религиозных сборищах, где выступает Билли Грэхэм, присутствовало якобы уже 50 724 882 человека — такая цифра должна была создать видимость точнейшей статистики...

БОГ И АТОМНАЯ БОМБА

В журнале «Нувель обсерватер» под заголовком «Апокалипсис по Билли» я прочел отчет специального корреспондента о его религиозном шоу на стадионе Хейзель в Брюсселе, волею судеб превратившемся в «столицу» НАТО и Общего рынка. Описав пышную торжественную церемонию, предшествовавшую появлению этого американского пророка на трибуне, корреспондент следующим образом изложил его проповедь.

— Доживет ли мир до 2000 года? — спрашивал Грэхэм и мрачно отвечал: — Может быть, и нет... Судный день близок. Однажды мой друг Киссинджер пригласил меня в Вашингтон. «Билли,— сказал он мне,— настал момент молиться...» Историки говорят, что история любит повторяться. Вы видите, что сейчас, как это было во времена Ноя, господствуют зло и насилие... Насилие в Ирландии, в Анголе, на Ближнем Востоке. Религия слабеет. Официальная церковь проповедует вседозволенность. Развивается материализм. И вот нам снова угрожает божий суд...

И дальше Билли Грэхэм, распаляясь все больше и пугая аудиторию, переходил на крик, стуча по трибуне кулаком:

— Бог сказал: покайтесь! Покайтесь, иначе я вас уничтожу! Божьи глаза слишком чисты, чтобы глядеть на все это зло! Я всех предупреждаю о гневе господнем! Бойтесь бога! Когда жил Ной, бог послал на грешников потоп, и выжили только праведники, укрывшиеся в ковчеге Ноя. Но теперь потоп не нужен, есть атомная бомба!..

Как бы впадая в транс, этот американский пророк обрушивал на ошеломленных слушателей страшные цитаты из Апокалипсиса: о потоках крови, о мече, который поражает народы, о коне Блед, об ангеле, трубящем в трубу, о всеобщей смерти, о страшном суде.

— Антихрист грядет! — провозглашал Билли.— Быть может, он придет сегодня вечером. Но Христос спасет верующих. Те, кто верует в бога, выйдут из своих могил. Ему будет нетрудно восстановить тела верующих из элементов, на которые они распались. Тех, кто будет во Христе, ангелы поднимут на небо. И тогда конец страданиям, конец социальной несправедливости, полиции, войнам. Все будут счастливы, кроме неверующих...

Этот провозвестник мнимой неизбежности ядерной войны, якобы возвещающий божий страшный суд, не одинок. Лжепророки, пытающиеся запугать легковерных людей, отвлечь их от активной общественной жизни, от борьбы за мир и свободу и погрузить в удушающую шизофреническую атмосферу перманент-истерии, особенно активизируются в наше время, когда развивается разрядка международной напряженности, когда открываются новые и новые возможности для конструктивного международного сотрудничества.

Темные силы, которым этот новый международный климат не по душе, не жалеют никаких средств на содержание таких лжепророков и на рекламу их деятельности. И вот что характерно при этом: если в еще недалеком прошлом главную роль хранителей устоев отживающего свой век старого мира играла традиционная церковь со своими извечными обрядами, то сейчас все больше выдвигаются на первый план разного рода секты и оккультные сообщества.

Влияние у кардиналов, епископов, пап все более дерзко оспаривают всяческие пророки, маги, предсказатели, словно вылезшие на свет божий из далекого средневековья. И чем нелепее, чем более дики их придумки, тем шире распространяется их реклама и тем большим становится влияние этих шарлатанов на забитого и запуганного бессовестной буржуазной прессой обывателя.

СОЛО С

О. САХАРОВА

Сердце композитора раскрывается в его музыке... Тысячам и тысячам людей поет оно о том, какие радости заставили биться его звонче и быстрей и какие печали притушили его тона... Сердце художника выверяет музыку по бессмертному пульсу самой жизни. И тогда рождается песня, где согласно звучат сердце музыканта и сердце народа.

Такая песня не умирает.

...Я все думаю: неужели случайно так вышло, что именно в 1941 году родилась совершенно особая песенность Соловьева-Седого, мгновенно всех покорившая? Ведь Василию Павловичу в ту пору было уже тридцать четыре года. Музыкальное училище и консерватория давно остались позади. В даровании его, впрочем, никто и прежде не сомневался. Многочисленные сочинения — от песен до симфонической поэмы и оперных фрагментов — прекрасно принимали и коллеги и публика, а «Гибель Чапаева» (это написано еще в 1936 году) пели даже в Испании. Эрнст Буш включил ее в сборник песен интернациональных бригад.

И все же до «Вечера на рейде» еще никто не знал, как победно разольются по всему свету песни Соловьева-Седого. Может быть, только профессор Петр Борисович Рязанов ждал этого. Для Василия Павловича он на всю жизнь — Учитель, потому что Рязанов не только посвящал в тайны мастерства. Он помогал найти себя в музыке.

Война пронзила болью, которая обнажила суть души композитора. Рядом со «Священной войной» А. В. Александрова встала песня «Вечер на рейде» В. П. Соловьева-Седого. Там — единая мощь, единый святой гнев; здесь—единое, но и каждое сердце: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море...» Певучая, спокойная мелодия завоевывает слушателя, сливается с его собственным чувством.

Это было как зачин большой темы, как новое слово на общем с народом языке... Всем оно полюбилось, это слово. Партизаны Крыма, защитники Севастополя, итальянские борцы Сопротивления пели на полюбившийся мотив свои слова — о своем «любимом городе» и «знакомом платке голубом».

Соловьев-Седой обретал неповторимый голос в родной музыке. Его песни, становясь рядом с песнями Б. Мокроусова, В. Захарова, М. Блантера, складывались в лирическую летопись военных лет. «Баллада о Матросове», «На солнечной поляночке», «Шел солдат...», «Соловьи», «Пора в путь-дорогу», «Услышь меня, хорошая» — здесь выпевалась душа русского человека, воина, защитника своей земли и свободы. Слушаешь их и видишь, как снимал он выцветшую пилотку над погибшим другом и пел под тальянку про свою черноглазую; каким был суровым и невеселым, шел, презирая смерть, а потом, выйдя живым из боя, наслушаться не мог соловьиных трелей; как мечтал о черемухе, которую бросит в окошко любимой... Все, чем жил солдат, звучало в этих мелодиях. Из народного русского мелоса пришли в песни Соловьева-Седого четкие, лаконичные фразы и широкая распевность, дробная шуточная скороговорка и долго поющая в звуке печаль.

Уверена: нет на нашей русской земле человека, не знающего песню «Соловьи»... Отец мой редко говорил о войне: он вспоминал ее песнями. И чаще всего этой печальной и светлой мелодией: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат». Поэтому я знаю, каким был мой отец на фронте, знаю, что помогало ему верить в победу и побеждать...

Соловьев-Седой с последним составом приехал из блокадного Ленинграда к жене и дочери. В забитом людьми Оренбурге он жил общей со всеми жизнью эвакуации: ютился по чужим углам, недоедал, недосыпал. Но и тут главным зарядом был осознанный и признанный над собой законом долг художника — творить.

Концертная бригада «Ястребок», которую Василий Павлович организовал буквально через несколько дней по приезде из Ленинграда, «летала» по фронтам, прорываясь на опасные участки передовой, выбираясь из окружения, входя вместе с бойцами в освобожденные города и села... А приезжая в Оренбург, Василий Павлович вместе с талантливейшим другом своим, веселым красавцем, поэтом Алексеем Фатьяновым работал за кухонным столом, отбивая такт по клеенке, сочиняя и записывая новые песни. Потом они пели вслух эти песни. И радовались, чувствуя, что удалось выразить заветное.

— В людях я больше всего ценю искренность, умение говорить напрямик, без задних мыслей,— говорит Василий Павлович.— Но друг должен быть еще и единомышленником.

У композитора было много соавторов — прекрасных поэтов, но с Фатьяновым родилось сотворчество: они понимали и верили друг другу безоговорочно, каждая песня становилась общим их детищем. Фатьянов мог вдруг спеть музыкальную фразу, которая не получалась у композитора, а Соловьев-Седой сочинял строфу, не задавшуюся поэту: мелодия и слово возникали нераздельно.

Песни композитора были оружием в великой битве; потому-то и высокая Государственная премия и другие награды, полученные Соловьевым-Седым в годы войны, стали для него боевыми наградами солдата. Не так давно, поздравляя Василия Павловича с присвоением звания Героя Социалистического Труда, маршал А. М. Василевский написал композитору: «Хочу поблагодарить Вас за все то огромное, чудесно-прекрасное, что Вы создали для нашей любимой Родины, для ее героических Вооруженных Сил. Вспоминая годы Великой Отечественной войны и ту неоценимую помощь, которую Вы неизменно оказывали им в борьбе с немецким фашизмом, от лица Вооруженных Сил приношу Вам свой земной поклон».

Вся жизнь Соловьева-Седого связана с Ленинградом.

Сразу после революции семья дворника Павла Павловича Соловьева переехала из подвала в светлую квартиру на третьем этаже; в одной из комнат встало пианино — давняя мечта Васи.

ВЫСОКАЯ МАРКА, ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

24 августа 1973 года с конвейера «Ростсельмаша» сошел первый серийный комбайн «Нива». В 1975 году на полях страны работало около 80 тысяч таких комбайнов. А осень того же года принесла на завод радостную весть: Леонид Ильич Брежнев сердечно поздравил ростсельмашевцев, «один из славных отрядов машиностроителей, с замечательной трудовой победой — выпуском 100-тысячного зерноуборочного комбайна «Нива» высокой производительности. Это событие — новая страница яркой трудовой биографии ростсельмашевцев...»

Самые значительные строки этой биографии написаны лучшими людьми предприятия. Их портреты мы видим на выставке, занявшей несколько залов Государственного исторического музея. Это выставка, рассказывающая о жизни коллектива «Ростсельмаша», о его людях и их делах от съезда к съезду.

Несколько передовых рабочих завода выполнили по две пятилетки.

На стендах — золото крупнейших международных выставок и ярмарок. Но не только за наградами ездит «Нива» за границу. Во многих странах знают ростовские машины: они там работают.

С интервалом в несколько минут с главного конвейера предприятия сходит комбайн. В последнем году девятой пятилетки было сделано 56 640 комбайнов «Нива». Это на 890 больше того, что предусматривалось планом. Сверяя свои планы с возможностями, коллектив «Ростсельмаша» решил в 1980 году дать 73 тысячи зерноуборочных машин, а всего за десятое пятилетие — 322 тысячи комбайнов.

Производственные успехи комбайностроителей — источник роста их материального благосостояния. В девятой пятилетке для них построено 67 жилых домов, десять детских садов. А на Зеленом острове, что посреди Дона, появился детский городок, свой, ростсельмашевский...

Наверное, не случайно выставка открыта в Историческом музее. Сделанное ростсельмашевцами в девятой пятилетке — это уже история. Совсем недавняя, но все же история. А коллектив завода уверенно смотрит в будущее, широким шагом вошел он в десятую пятилетку.

К. КОСТИН

ВЬЕВ-
ЕДОЙ

Ребята со Старо-Невского проспекта рядом со взрослыми строили новую жизнь.

В их доме появился клуб, а в клубе родился театр. Все в нем: и подмостки из ящиков, и занавес, и скамьи, и костюмы — все было свое, своими руками сделанное. Начались репетиции и премьеры, выездные спектакли, первые муки творчества... Интересно бы посмотреть, как выглядели тогдашние актерские опыты ближайшего друга детства Василия Павловича — народного артиста СССР А. Ф. Борисова, послушать, как звучало его собственное музыкальное сопровождение тех спектаклей. Конечно, в них уже и тогда было главное — талант.

Вообще одаренная натура Соловьева-Седого проявляла себя ярко, щедро. Пятнадцатилетним парнишкой стал он победителем в соревновании с «королем» питерских таперов — Бемом, а закончив школу, сдавал за незадачливых приятелей еще и вузовские приемные экзамены по математике.

Часами он мог вдохновенно импровизировать на рояле, часами скрупулезно рассчитывал ходы в шахматной партии, но, став старше и, казалось бы, мудрее, не мог заставить себя выполнить чисто формальное задание в музучилище: составить трехголосную задачу по гармонии. Сочинял ее озорно, связывая с жизнью: «Один плачет, другой скачет, третий песенку поет».

И сейчас самые близкие Василию Павловичу люди — жена и сестра — главными в нем считают черты, на первый взгляд далекие: Татьяна Давыдовна — принципиальность и прямоту, а Надежда Павловна — доброту и деликатность. Правы, конечно, обе.

— Поэт — это всегда гражданин. Он передает живое дыхание эпохи потомкам, — говорит композитор. — Для меня в творчестве главным остается сделать человека лучше, привить ему чувства добрые. Для этого надо не просто найти контакт с аудиторией, но знать ее идеалы, понимать их. Композитор может писать только для народа. Иначе он пустое место.

Лучшие песни Соловьева-Седого приходят к нам как откровение. Вспомните «Подмосковные вечера». Песня разнеслась по всему свету, став песенным образом Родины. В простой мелодии столько красоты, задушевности, чистоты... Художественная глубина отстояла песню — при широчайшей ее известности — от опошления, запетости.

Соловьев-Седой чувствует каждый новый шаг в истории, в изменчивом мире людских чувств. В его песнях мы узнаем душу своего современника, улавливаем лирическую окраску мелодии, настроения, которые стали характерными именно сегодня.

Недаром ездит Василий Павлович по всей стране, находит новых друзей среди моряков и крестьян, поэтов и шахтеров, живет одной жизнью с каждым из нас.

Вот в чем, мне кажется, секрет того, что народ любит многие песни Соловьева-Седого: он идет к слушателю как к товарищу по творчеству. И мы откликаемся, не просто слушая, а душой принимая и «Подмосковные вечера» и «Если бы парни всей земли...». У песен Соловьева-Седого всегда есть конкретный адрес — человеческое сердце.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖЕН РОБОТ

В самом деле, для чего нужен робот?

Вопрос вроде бы наивный. Но Евгений Велтистов, автор трилогии «Победитель невозможного» о школьнике Сергее Сыроежкине, профессоре Громове и его чудесном творении — электронном мальчике Электронике, ведет свой разговор с детьми, точнее сказать, с подростками. И подросток, волею авторского воображения встретившийся со своей точной электронной копией, отвечает на наш вопрос просто: он бездумно и беззаботно перекладывает на плечи мыслящей машины свои обязанности, все до единой. Ну, в самом деле, зачем делать уроки, когда робот сделает это в тысячу раз быстрее и лучше тебя, да еще прославит необыкновенными математическими способностями на всю школу? И зачем вообще что-либо делать?

Сережа Сыроежкин зажил в полное свое удовольствие: абсолютная свобода, живи, как хочешь. День, другой, неделю... Но почему-то свобода эта не доставляет радости, все тягостнее ее бремя, все тревожнее: ведь подмену постоянно приходится скрывать, придумывать все новую и новую ложь. Да и свобода ли это — безделье и безответственность? И только признавшись во всем, разоблачив собственный обман, а соответственно взвалив на собственные плечи все обязанности сызнова, Сережа Сыроежкин почувствовал себя по-настоящему свободным. Такова мораль открывающей трилогию повести «Электроник — мальчик из чемодана». Подается она ненавязчиво, в традициях произведений Н. Носова, Л. Кассиля — писателей, прекрасно знающих психологию и слегка иронический язык так называемого «переломного возраста».

А наш вопрос в итоге оказался не таким уж и наивным. На страницах следующей повести — «Рэсси — неуловимый друг» — его приходится решать взрослым людям. Рэсси — электронный мыслящий терьер, новое изобретение профессора Громова. Эта собака свершает невиданные чудеса под управлением своего создателя. Спасает Сережу Сыроежкина, по ошибке выкраденного вместо Электроника врагом Громова, ученым-кибернетиком фон Кругом. Спасает целое стадо редких животных в Африке от охотников, до зубов вооруженных придуманной тем же фон Кругом новейшей техникой. Спасает в Мировом океане единственного кита вымирающей породы...

Но вот фон Круг добирается до самого Рэсси, похищает его. И закладывает в его мозг свою безнравственную программу. И великолепная, благородная машина стала преступной. В отчаянии профессор Громов создает даже Запрещающие Теоремы, которые «могли бы со временем остановить все машины». Но быстро одумывается: преступно препятствовать прогрессу. Долг ученого — дать нравственное направление своему творчеству, поставить его на служение людям.

И все же окончательно на наш вопрос, для чего нужен робот, отвечают сами дети — Сергей Сыроежкин и его одноклассники из математической школы, герои последней повести — «Победитель невозможного». Сотрудничество с удивительной электронной машиной приносит и плоды удивительные. Весь восьмой класс мало-помалу проникается атмосферой творчества. Преображается и машина: робот открывает законы творчества, которые позволяют ему даже выиграть сеанс одновременной игры с шестью экс-чемпионами мира по шахматам. Вот эти законы: «Трудолюбие! Увлеченность! Знания! Смелость! Дерзость! Минус зазнайство! Все понятия со знаком плюса или умножения... Кроме одного минуса!..»

Завершает свое повествование о чудесном мальчике Электронике Евгений Велтистов так: «В рассказах о его приключениях никогда не понадобится слово «конец». И читатели этой увлекательной книги будут с интересом ждать ее продолжения.

М. ХОЛМОГОРОВ

Е. Велтистов. Победитель невозможного. М., «Детская литература», 1975, 448 стр.

Ветеран «Ростсельмаша» П. И. Ребенко рассказывает посетителям выставки о родном заводе.

Фото Г. Розова

Лариса ЛАТЫНИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. БЛИОХА

Эта повесть и хронологически и сюжетно связана с опубликованной в «Огоньке» в 1974 году повестью «До старта». Фамилии героев здесь также иногда подлинные, а иногда изменены.

Автор

КОМАНДА

1

После опробования снарядов мы еще оставались в зале. Стало почти тихо. Самое время подумать. С годами удается разобраться в спортивной жизни. И выясняется, что ты должна побеждать не только в часы и минуты соревнований. Необходимы еще победы... По крайней мере две. Одна, с которой все начинается. И ее надо одерживать ежедневно — победу над собой. Над привычками, желаниями. И если верить великим — и над страстями... Так преодолеваешь себя и думаешь о второй победе. Стараешься одолеть время. И ведь нельзя сказать, что и здесь ты не побеждаешь. Как будто и держишь этого упорного врага в узде. Как будто время — твой союзник. И иногда оно даже отступает. Да, это так. Но потом возвращается. Сколько бы раз ни выигрывала ты неприметный поединок, время тебя все же побеждает. Вот оно настигло тебя, беспощадное, в Дортмунде, в «Вестфален-халле», и держит совсем не мягкими лапками.

Я посмотрела на Наташу и вздохнула. И вчера и сегодня мы урывками продолжали все тот же разговор: «Готова? Не готова?» За день до начала чемпионата вести его не просто. Рассказывают, правда, что футбольный вратарь отдал преемнику свои перчатки, испытанные боями и временем... и все в порядке. Преемник готов. Но мои кожаные накладки Наташе не подойдут. Они по моим ладоням, по моим мозолям. По моему характеру... Не всем рассказам о спорте стоит верить.

Наташка сидит рядом со мной на скамеечке. Два служителя в желтой униформе прокатили мимо нас части пьедестала на колесиках. Остановились, посмотрели на нас. Один, помоложе, похлопал по своей тележке: дескать, готовим для вас, пожалуйста!

Я кивнула ему и спросила:

— Наташа! Ты о чем думаешь обычно перед соревнованиями? Когда уже последняя ночь? Или утром, если ночью все-таки удается заснуть?

— О чем думаю? — медленно переспросила она. Я не видела выражения ее глаз. И может быть, так лучше: легче говорить.

— Думаю о разном. То есть, если говорить точнее, о соревнованиях... Вот перед обязательной программой. Это что за гимнастика? Ну, не ваша и не моя. Общая. И пока я не подойду к ней как-то по-своему — обезличенная. Как же к ней подойти? Я представляю: это такая полоса. Пройдешь — и там твое... Нет, даже не полоса. Трудный, очень трудный перевал. Пройдешь его, и открывается твоя дорога. А раз своя дорога впереди, то камни, дождь, ветер и скучные шаги — все это уже не страшно. Верно?

...Теперь проверяли большое электротабло и маленькие судейские аппараты, и они отсвечивали ярко-желто, в тон одежде служителей.

— Может быть и так, Наташа.

— Да, может быть, — обрадовалась она. — А вот затем уже подходит произвольная программа. Знаете, Лариса Семеновна, тогда я представляю человека... Ну такого, которому я очень хочу высказать все, что чувствую. Все лучшее. А то, что гимнастки рядом, это как-то на втором плане. Почему? Ведь для себя одной образ не создашь? Во всяком случае, мне думается так: обязательно для кого-нибудь. Правда? В крайнем случае такого человека можно и придумать, а? Или немножко его додумать. А вот все лучшее ему в эти минуты и посвятить.

— Знаешь, это очень интересно, Наташа!

— Да? И еще все время думаю: как бы не подвести. Каждая девчонка только так и рассуждает. Мы в сборной команде СССР. Вот повторяешь это про себя. Как это звучит? Для меня как будто — Большой театр Союза ССР. Мы делегация Советского Союза. Год назад мне казалось, в этой делегации — каждый герой. Я-то совсем не герой. (Наташка жалобно улыбнулась одним ртом.) А меня все-таки поставили на самое ответственное место. Выдержу, не выдержу? Знаете, я ведь в марте родилась. Тогда солнце и холод еще спорят. Кто кого. День — весна, день — зима.

— Но все-таки ты и сама весну ставишь на первое место!

— Так хотелось бы. Так мне хочется. А разницу между хочется и можется я уже знаю.

— Знаешь, Наташа, по-моему, хорошо, что ты над этим так раздумываешь. А то иногда и эмоции и воображение стараются разложить по полочкам очень уж утилитарно. Становится скучновато. Знаешь, как Лермонтов сказал? «Вам надо испытать, ощупать беспристрастно свои способности и душу, по частям их разобрать... годы употребить на упражненье рук».

Наташка задумалась на минутку.

— Откуда это, Лариса Семеновна?

— Это Арбенин говорит. Кажется, так.

— Арбенин, — протянула она. — Тогда не мудрено, что не помню. Я его пропускала. Он же ненормальный.

Мы вместе посмеялись, и я все же преподнесла неизменную порцию утилитарного:

— Наташа, чтобы с пользой распорядиться бессонницей, попробуй... Закрываешь глаза и представляешь свое упражнение — элемент за элементом... Подход к брусьям, хват... Вот так секунда, еще секунда. Увидишь и ощутишь каждое движение. Что неясно, повторишь. Идеомоторная тренировка.

— Помогает?

— Мне помогало.

— Значит, и мне поможет.

Я вспомнила о вратарских перчатках. Если бы все было так просто. Разбирали бы способности и душу, отлаживали детали и собирали. Хоть конвейер устанавливай...

— Знаете, Лариса Семеновна, у Лермонтова есть и такие слова: «Если бы счастие было наукой!»

— Если бы... Но в спорте кое-что и наука.

— Наверное, — согласилась Наташка.

Мы оделись, и я засмеялась, глядя на голубое Наташкино платье и свою голубую кофточку.

— Вы что, Лариса Семеновна?

— Думаю, не рановато ли мы облачились в одежду радостного тона?

— Перед театром переоденемся, — очень простодушно ответила она.

— Да, есть чем заняться вечером.

— Спектакль и придумали для этого?

— Оперу? Вряд ли. Это больше чем времяпрепровождение. Подарок магистрата. Билеты здесь очень дорогие.

— И, значит, идти обязательно?

— Скорее, желательно.

— Я не очень-то понимаю Вагнера.

— И я здесь не мудрее тебя, Наташа...

...— Вагнер, — очень значительно сказал наш переводчик, — великий реформатор оперы. Являясь новатором, он и в то же время тонко ощущал древние традиции национального духа...

Наташа взглянула на господина Бюхнера с почтением. Гейнц Бюхнер с рыжими, безукоризненно расчесанными волосами, в строгом черном костюме отлично вписался в красносерую ложу дортмундского театра (модерн шестидесятых годов, однако кресла изготовлены с достаточно старомодным уважением к зрителям).

Черный костюм Гейнца напомнил мне о другом знакомом переводчике — японце Момите. И я не удивилась, когда увидела Кендзи в антракте. Да и не только его. Многих знакомых. Некоторых я знала уже лет по десять — двенадцать. Все съехались. Начало чемпионата. Сейчас мы стояли у входа в ложу, ожидая второго действия «Летучего голландца», и Гейнц добросовестно просвещал нас.

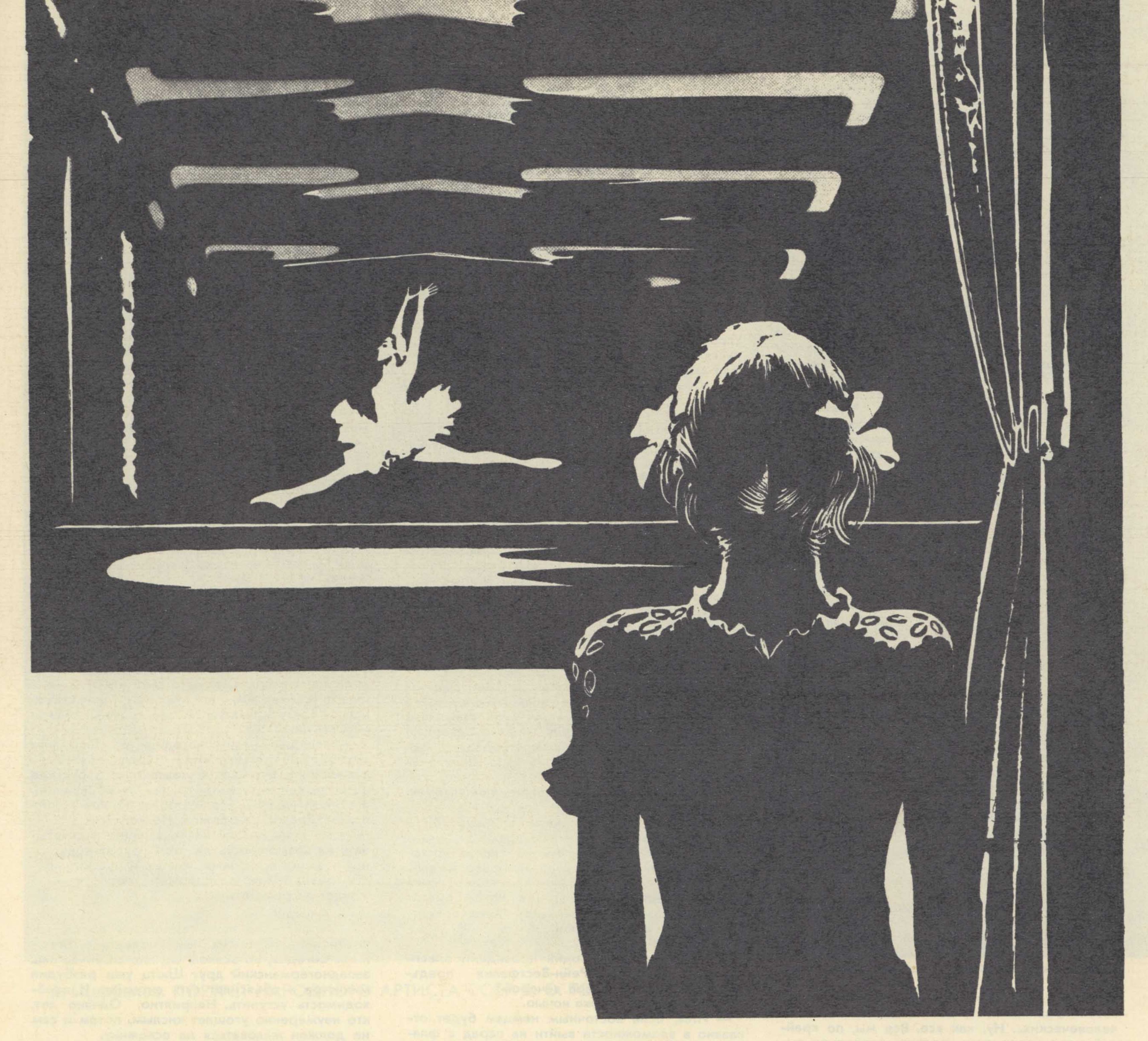
Два дня назад в Кёльне ему не повезло: лекцию о Лютере прервали непрошеные наши спутники. Теперь никто не мешал. Великий композитор явно предоставил господину Бюхнеру возможность реванша.

— Творчество Рихарда Вагнера — важный ключ для проникновения в психологию немца...

(...Психологию немца? Какого? Того фашиста, что направлял автомат на маму и меня? И стрелял в нашей комнатенке?.. Что ему было до Вагнера? А если его командир и слушал «Лоэнгрина», «Парсифаля», что это меняло?..)

— Какого немца, Гейнц?

— О, госпожа Латынина... Ваше стремление к точным дефинициям. Какого немца? Понимаю... Я даже не скажу — каждого. Но типичного для определенного слоя. Широкого. О, у вас в ходу другие понятия... Но... разве,

говоря о Пушкине и Чайковском, вы имеете в виду только дворянство? Для нас это определенные вехи в истории всей русской нации. Не так ли?

— Очень большие обобщения, как мне позволительно будет заметить,— прошелестел Момита,— могут увести от подлинного внимания к личности.

— И это направление разговора—от музыки. Абрикосовые глаза Гейнца засветились.

— Итак, музыка Вагнера вас впечатляет?

— Дело в том, что я с ней мало знакома. Если говорить откровенно, я всю жизнь отдавала предпочтение балету.

— О, прославленный русский балет! — мечтательно протянул Гейнц.

...Уже накопилось с десяток общих фраз — выручалочки в наших международных беседах, думала я в ложе. «О, цветенье японской сакуры... О, великий Кёльнский собор... О, мансарды Парижа в утренней дымке... О, прославленный русский балет...» Для кого-то стертые слова. Но стоит за ними и неповторимое, близкое — русский балет.

* * *

...Далекое послевоенное лето. Жаркое и неожиданно недоброе. И все-таки с проблесками радости и уже спокойное, мирное.

В то лето в родном моем Херсоне выступала Ольга Васильевна Лепешинская.

Были ли афиши? Не помню. Может быть, вывесили несколько. Может быть, только один фанерный щит. Достаточно. За билетами стояла очередь не меньшая, чем за хлебом. Помните, сколько людей вставало в то лето ночью в хлебную очередь?.. Сколько еще неизбытой горечи, тревоги и голода было в ней... Сколько надежды и предвкушения счастья было в другой очереди.

А в сущности, и та и другая были полны ожиданием лучшего будущего. Две очереди за необходимым. Тогда я была далека от подобных раздумий. Попасть на Лепешинскую. Обязательно! И я решила задачу, хотя многие считали это немыслимым.

Я раздобыла два пропуска в нашем хореографическом кружке, пообещав безропотно выступать на всех вечерах целый год. И со знакомой контролершей договорилась: она пропустит нас на вечернее представление. Нас, тринадцатилетних девчонок. И мы действительно попали туда. Больше того. Нас провели в зал пораньше. И стали мы в самом удобном месте справа от кресел. Никто уже не мог заслонить нам сцену. Даже если впереди сядут самые здоровые ребята из мореходки. Когда мы овладели этой позицией, моя подруга Алла посмотрела на меня с восхищением.

А затем поднялся занавес. До этого вечера я считала, что знаю кое-что о балете. С самоуверенностью подростка я думала: поднимусь на несколько ступенек — и вот они, секреты искусства... Занавес поднялся. Я увидела танец Лепешинской, и мне стало стыдно за те самоуверенные мысли, за свои неуклюжие руки и ноги.

Я с опаской глянула на Аллу: понимает ли она, что присутствует при моем крушении? А через несколько минут все эти мысли исчезли. Я вообще не думала о себе. И даже о балете. Эта женщина в белой пачке говорила мне: иди. Идти? Куда? Новый, незнакомый, прекрасный мир движений открылся передо мной. И он не мог, не имел права исчезнуть. Как же удержаться в нем?

— Пойдем, Алла, к служебному,— отрывисто сказала я подруге.

Девочки у театрального подъезда, сколько их...

Мы ждали больше часа. Вот дверь хлопнула. Вышла великая солистка балета. Ноги волшебницы ступили на обыкновенную пыльную землю провинциального городка. Где-то около нас заскрипели тормоза черной трофейной машины. Лепешинская шагнула к ней. Увидела нас и улыбнулась усталой, доброй, самой обыкновенной улыбкой.

* * *

Я так и не стала балериной. И Наташа ею уже не станет... Вот уже два года я при каждом удобном случае зову свою Танюшку к телевизору.

— Посмотри, Танюша, красиво танцуют?

Она всегда соглашается со мной:

— Да, очень красиво, мама.

— Ты хочешь танцевать так?

— Так? Но, мама, они же падают!

«Падают...» Мы отправляемся в отель. Окружным путем. Куда торопиться? Время не перехитришь... В тридцать один год я — прошлое нашей гимнастики. Наташа в ее семнадцать — будущее. Но главное — мы вместе в сборной команде, команде шестьдесят шестого года.

...Неспешными шагами проходим мы по Гильтропскому валу. Затем поворачиваем и мимо новомодной кирхи, где часы сентиментально-печально отзванивают ночь, подходим к шоссе. Машины бегут в Бохум и Кёльн, Дюссельдорф и Бонн. Слепящие фары выхватывают кусочки дороги и показывают подземный переход. Теперь мы минуем дворец, затаившийся перед завтрашним озарением.

Когда поднимаемся в номер, время до первенства можно считать уже не сутками, а часами. Замечательно, что на этот раз Лина не притворяется спящей. Кажется, впервые за десять лет.

Десять лет. Томительно сейчас перебирать потихонечку эти годы. Только отмеченные белыми камешками? Да, пусть отлетят черные камешки. Пусть светлой кажется вся наша дорога, от того утра, когда мы пришли в команду нелепыми розовощекими девчонками, до нынешней бессонной ночи. От наших ошибок и неудач к часам триумфа и... обидным поражениям.

...«Они же падают!» Да, и они и мы. Но и они и мы умеем подниматься. И это главное. Поэтому мы и не жалеем сейчас о потерянных днях, несостоявшихся встречах, кочевой жизни и даже незнании Вагнера.

— Все же, Лора, надо попытаться заснуть, хоть ненадолго.

— Давай попробуем. На нашу беду, ночи в сентябре уже длинные.

...Тот, кто знает, какое это наказание — бессонница, может нас понять... «Окна настежь. Уснуть мне невмочь». А соловьев здесь нет. Ни дневных, ни ночных.

2

Спишь или не спишь ночью, а на завтрак приходи вовремя.

В этот день он мне показался очень уж ранним. Поэтому я долго возилась с кофе и дождалась. Ко мне подсел наш массажист Шустов.

Знала я его много лет. Мастер Виктор Сергеевич отличный... Но вот не лишен слабостей человеческих... Ну, как все. Все мы, по крайней мере через день, должны терпеливо выслушивать историю, как Шустов победил когда-то в международной встрече по борьбе. А если Виктора Сергеевича что-то волновало в его вечно переустраивающемся быту, об этом тоже должны были знать все... Сейчас больным вопросом для Шустова была установка телефона в новой квартире.

— Выпейте кофе, Виктор Сергеевич,— сказала я мужественно.

— Из твоих рук не откажусь, дочь моя («Дочь моя, сын мой» — это его традиционные обращения).

Я с уважением посмотрела на его мощную ладонь. Несколько минут мы молча пили кофе.

— Теперь только на тебя надежда, дочь моя,— наконец произнес Шустов очень проникновенно,— иначе я не стал бы тебя беспокоить. Так получилось... Только не волнуйся — это не сегодня.

Я облегченно вздохнула...

— Я разведал. Здесь человек один в туристской группе. Из министерства связи.

— Так я и думала...

— Ей-богу, я не хотел тебя беспокоить,— сказал Виктор Сергеевич,— я сегодня рано-раненько пошел к Борисову. Мол, скажи ему, этому телефонному самодержцу, что товарищ Шустов — ценный специалист. Часто выезжает и даже старухе своей позвонить не может.

— А Борисов что?

— Сначала все было нормально. Он спрашивает: «Ты что это, старик, так рано пришел? Растирки пропали или спирт оказался некачественным?» Я ему говорю: «У нас, сын мой, никогда ничего не пропадает. А для спирта существуют только две градации: хороший и очень хороший... А пришел я относительно телефона». И только я сказал это, у него телефон и зазвонил... Он слушал довольно долго, а потом сказал: «Вот ведь какие дела, сейчас приду».

— И все?

— Почти... Еще: «Ты, старик, извини, сейчас некогда. И вообще от этих телефонов одни неприятности». И ушел.

— Надолго?..

— В том-то и дело, что надолго. Ты думаешь, дочь моя, Шустов ничего не понимает? Я же видел: у Регнера из ГДР сейчас же дверь хлопнула. Затем вышел югослав, который порусски говорит хорошо. Так вышел, что коридор задрожал. Затем чехи.

— Совещание? Что-то с чемпионатом? Но лучше пока не говорить никому, Виктор Сергеевич!

— Ты могла бы и не предупреждать.

— Хотите еще кофе, отец мой?— сказала я примирительно.

— Не повредит.

...В большой приемной неподалеку от холла гостиницы Филипп Тассен беседовал с журналистом из известной спортивной газеты. Приемная была отведена Тассену с того недавнего дня, как он стал президентом международной федерации. Приемная для бесед... Решалось все по-прежнему наверху — в номере.

Тассен улыбался как всегда сдержанно и проницательно, хотя он с трудом подавлял раздражение. Из-за того, что ему, а не старому президенту придется решать сейчас все, что связано с не новой проблемой флага, герба, гимна команды ГДР.

Именно он, Филипп Тассен, должен был через полчаса начать заседание руководящего комитета и принять решение, в то время как министр внутренних дел земли Северный Рейн — Вестфалия, направив торпеду в корабль чемпионата, наверное, еще спит сном праведника...

Нет, этот ультиматум о флаге, пожалуй, не торпеда, а старая мина. И зря ждут от него, Филиппа Тассена, что он, как его предшественник, стукнет ее по рожку. Не время для таких взрывов. Но и отталкивать ее следует осторожно. Нужен точный курс: ни вправо, ни влево. Его прокладке и была посвящена почти бессонная ночь. Но выглядел новый президент свежо. Он ободряюще взглянул на журналиста и на его диктофон.

Ампье нажал клавишу.

— Продолжим, господин президент. Власти земли Северный Рейн-Вестфалия предъявили требование вчера вечером?

— Я узнал о нем уже ночью.

— Итак, если восточным немцам будет отказано в возможности выйти на парад с флагом... как говорят они, с государственным флагом, то они не будут выступать. Так?.. Отказ за отказ?

— Суть предварительных консультаций с руководителем их делегации, пожалуй, позволяет сделать такие выводы, дорогой Морис. Предварительные выводы.

— Но такое решение... Не говорит ли оно о том, что спортивные интересы приносят в жертву? В жертву политической доктрине.

Тассен поморщился.

— Я не хотел бы сейчас заниматься проблемами политической ориентации. Откровенность, которая сопутствует нашим традиционным отношениям, заставляет меня сказать: у нас много собственных затруднений. Поймите: организация, которая патронировала чемпионат, неожиданно сообщает нам о невозможности появления флага и герба Восточной Германии в Дортмунде. Вы понимаете, Морис, это же не позиция нашей федерации. Господин министр внутренних дел земельного правительства поставил нас перед фактом... своего решения.

— Безусловно, он положил начало. Но что вы скажете о продолжении, господин президент?

— Позиция восточных немцев еще более усложнила проблему.

Журналист с удовольствием посмотрел на диктофон.

— Мягко говоря, не очень разумная позиция, господин президент?

— Мое положение обязывает не давать сейчас каких-либо категоричных оценок.

— Я понимаю, понимаю вас. Считаете ли вы, что кто-то здесь может занять аналогичную с восточными немцами позицию?

Тассен задумался на минуту, а затем решительно произнес:

— Приходится упомянуть о демарше руководителей советской, югославской, чехословацкой делегаций... Но учтите, пока имели место неофициальные встречи.

— И все же суть демарша?

— Говорят, русские и другие могут покинуть чемпионат, если требования немецкого спортивно-гимнастического союза не будут удовлетворены.

— Но это же абсурдно!

— Не лучшая альтернатива...

— Русские хотят торпедировать чемпионат? Но разве они не понимают, что первенство состоится и без них?

— Конечно, это реально... Хотя... Я, например, испытал бы глубочайшее сожаление. Глубочайшее...

— Сложная ситуация для нового президента, а, господин Тассен?

— Не я выдумал проблему двух Германий, и не мне ее решать.

— Но вы, несомненно, против производности спорта от политики?— спросил журналист слегка встревоженным голосом.

— О, несомненно, несомненно. Хотя я и реалист.

Тассен достал пачку «Кента» и закурил. Ампье выключил диктофон.

— Теперь без записи, послушайте, Морис. По-моему, я накидал достаточно пахучих корешков для вашего супа. Однако не ориентируйтесь на сенсацию. Западные немцы поступили неразумно, выдвинув свой ультиматум о флаге. Сейчас им, по существу, предъявили встречный ультиматум. И вы должны понять: уступят они.

— Западные немцы исходили из прецедента шестьдесят третьего года. Тогда восточную команду не пустили на чемпионат, а русские не приехали в знак протеста. Отсутствующий всегда виноват — это мудро. А теперь-то они здесь! Диалог неизбежен. Но уступка?

— Но если диалог начат, смешно рассчитывать на возможность диктата! Говоря конкретно, позиция восточных немцев и русских конструктивна. Можно возражать, пока дело не дойдет до решения.

— А тогда?

— Морис, мне легче выполнить десять упражнений «ультра-си», чем заставить их отступить. Сегодня, во всяком случае. ...Сейчас наш западногерманский друг Шютц уже разбудил министра и объясняет суть ситуации. И необходимость уступить. Неприятно. Однако тот, кто неумеренно угощает кислым, потом и сам не должен жаловаться на оскомину.

Ампье подумал с минуту.

— Вытяну я что-нибудь у русских?

— У них-то, Морис, это и следует выяснить. Попробуйте поговорить с Кулатовым, моим коллегой по мужскому техническому комитету.

Ампье нажал клавишу диктофона.

— Вы считаете, господин президент, что я получу у господина Кулатова исчерпывающие ответы?

Тассен развел руками.

— В вопросах гимнастики это вполне компетентный человек. Логично мыслящий. В вопросах гимнастики, дорогой друг...

...Валя Кулатов улыбнулся журналисту куда шире, чем Тассен, и сразу же позвал Гейнца.

— Через десять минут начнется заседание комитета. Вы по этому поводу? И отлично. Просите опираться только на спортивные принципы? Постараюсь. Так вот. Нынешние чемпионаты мира проводятся без гандикапа. Логично? Заранее никому преимущества не дается. Гейнц, ты спроси, согласен со мною господин Ампье? Согласен. Спортивный принцип? Спортивный. Идем дальше. Команда Федеративной Республики Германии выйдет на парад с флагом. Вы не задаете вопросов, почему это так? Правильно. И команда Германской Демократической Республики тоже выйдет с флагом. На равных. А уж дальше будет ясно, чей гимн играть и чей флаг поднимать. Здесь дик-

Б. Щербаков. ПОРТРЕТ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР В. О. ТОПОРКОВА. 1963.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ. ДОГОРАЕТ ЗАРЯ. 1973.

Б. Щербаков. ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРЫХ ГОЛЛАНДЦАХ. 1938.

ВОДА УХОДИТ. 1969.

РОСПИСЬ ХОХЛОМЫ

Леван РОНДЕЛИ

Хохлома — искусство русское... В ее орнаментах — душа родной природы, самобытность и дух создавшего ее народа.

Свое начало хохломская роспись берет в многовековом опыте крестьянского изобразительного творчества с его узорчатостью, цветистостью и праздничностью. Ее истоки — в поэтическом восприятии мира крестьянином, в его чуткости к прекрасному. Как и другие художественные промыслы, как лубок, хохлома еще до Октябрьской революции была одним из проявлений демократического искусства, доступного широким массам. Красиво расписанная мастерами деревянная утварь производилась в большом количестве в Поволжье и использовалась в быту.

Оригинально в этом искусстве все — не только узор. И прежде всего своя, отличающая его цветовая гамма: сочетания красного, черного и золота. Именно золота, а не золотой краски. Это очень важно подчеркнуть.

Золото занимает особое положение в хохломской палитре. Художники, если не считать древних иконописцев, им не пользуются, золотого цвета почти нет в современном профессиональном творчестве. Но в прикладном народном искусстве золото как цвет постоянно находит очень широкое применение. Это один из самых выразительных декоративных элементов, обладающий сильнейшим эмоциональным воздействием, создающий возвышенное, радостное настроение.

В свое время замечательные русские умельцы научились чудесно превращать поверхность деревянного изделия, покрытую оловянным порошком (а позднее — алюминием), в золоченую без применения настоящего золота.

Это народное искусство получило в наше время дальнейшее развитие. Сегодня в Семине, в Семенове и других городах и районах Горьковской области работают артели и целые фабрики по производству хохломских изделий. Здесь трудятся замечательные мастера, и среди них — Степан Павлович Веселов, один из самых старых хохломских художников, пользующийся большой и заслуженной известностью.

Его произведениям присущи строгость и простота старинной росписи. Именно такие мастера, как Веселов, сумели сохранить опыт и каноны «травного» письма, из которых и развивается стиль советской хохломы. Может быть, иногда он кажется традиционным, сохраняет основные элементы старой росписи: «пряник», «травку», «кудрину», «сестричек», «рыжика». Без этих исконных деталей композиции он не обходится почти ни в одном своем рисунке. И тем не менее росписи Веселова никогда не повторяются. Отталкиваясь от классических образцов, он дает до бесконечности разнообразные собственные варианты основных орнаментов.

Сегодня Степану Павловичу Веселову за семьдесят. Поражает его упорная пытливость, готовность учиться, воспринимать новое. Не случайно поэтому в декоративном панно, несвойственном старой хохломе, Веселов считает возможным пойти по тому же пути, что и нынешние молодые мастера. Здесь в отличие от росписи на деревянных изделиях у него появляются новые мотивы и темы, в том числе изображения птиц, рыб и зверей. Можно даже отметить склонность к большей нарядности. Кроме красного с черным и золота, появляются у него и другие цвета.

Однако художник никогда не изменяет традициям, народному характеру хохломы, полуфантастическим образам, роднящим ее со сказкой. Самобытность, ритмичность, сжатая образность, условность присущи самой природе народного творчества. Не случайна любовь Веселова к фольклору — сказкам, частушкам, пословицам. Он даже вводит в свои рисунки афоризмы, пословицы, стихотворные строки.

Степан Павлович работает без предварительного эскиза. Профессиональный художник не раз меняет сделанное, исправляет, пишет заново,— у Веселова же все получается как бы само собой. Каждая его вещь непохожа на другую. Ему чуждо пунктуальное копирование даже своего собственного образца. А если нужно повторить чужой орнамент, то в процессе работы он обязательно внесет в него свои изменения. Иначе не может, такова его художническая индивидуальность. В творчестве Веселова прежде всего улавливаешь поэтичное отношение художника к родной земле, ее полям и лесам, влюбленность в природу. Композиционным построением рисунков, выразительностью орнамента, артистичным исполнением он добивается истинно праздничного звучания.

12 марта 1976 года в Центральном клубе МВД СССР состоялось торжественное собрание, посвященное 40-летию создания Госавтоинспекции.

На снимке: в президиуме собрания.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

туют гимнасты и гимнастки. Гейнц, спроси, это по-спортивному? Теперь о другом. Господин Хальштейн выдумал доктрину непризнания ГДР. Жизнь ее опровергает. Гейнц, вы все перевели?

— Господин Ампье спрашивает: а если просьба ваших друзей не будет выполнена?

— Требование, господин Ампье.

— Требование? В случае отказа вы покинете чемпионат?

Кулатов улыбнулся еще шире, чем раньше, и очень удивленно.

— Так кто же откажет? Требование справедливое. Мы будем поддерживать его до конца. Это наш долг.

— В силу входит солидарность блока, господин Кулатов?

— Солидарность — да. Блок не то слово.

— Вы же не собираетесь покидать чемпионат? То, что вы говорите,— блеф?

— Я в картах не специалист, господин Ампье. Гимнастика — дело другое. Так вот, я думаю, хозяева первенства его срывать не будут и выполнят справедливые требования. Год-то нынче шестьдесят шестой!

— Диктат?

— Гейнц, напомните господину Ампье: он просил говорить о спортивных принципах. Но я готов и на это ответить. Время требует.

Ампье вздохнул и выключил диктофон.

...Мы стояли в саду как раз неподалеку от выхода из золотого зала. Нет, мы не ожидали кого-то, просто прогулка нас сюда привела.

— Наташа,— спросила я,— интересная программа на вашем факультете? (Наташа уже двадцать дней как стала студенткой Ленинградского университета и будет изучать психологию.)

— Программа?— переспросила она.— Я ее не смотрела еще, Лариса Семеновна. Но ведь психология — это очень занимательная вещь.

— Занимательная?

В это время в сад вышли несколько членов великого гимнастического ареопага. Впереди, улыбаясь, Валя Кулатов.

— Не простудитесь, физкультурницы? — спросил он еще шагов за десять.

«Все в порядке»,— подумала я.

— Нет, ничего, тепло,— ответила Наташа.

— Молодая кровь,— констатировал Кулатов.

Ах, эти последние, ничего не значащие слова перед чемпионатом! Но каждый, кто их произносит, хочет тебя приободрить.

К Кулатову подошел Регнер. Руководитель делегации Германской Демократической Республики, седой, низенький, в очках с металлической оправой, почему-то напоминал мне старого мастерового. Токаря. Вот и сейчас, когда он полез в карман синего пиджака за футляром с замшей, мне показалось, он достанет оттуда штанген или микрометр.

Регнер протер замшей очки и сказал:

— Давайте начнем чемпионат в хорошем настроении. Ты перевел, Гейнц? Ну и отлично!..

Продолжение следует.

Борис ГУСЕВ

ПАССАЖИР

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Есть в России места, близкие сердцу каждого человека. При слове «Михайловское» тотчас возникает мысль о Пушкине; имя Льва Толстого неотделимо от Ясной Поляны, что близ Тулы. В самой высокой точке Среднерусской возвышенности, на перекрестке двух стальных магистралей стоит железнодорожная станция. Прежде она называлась Астапово, а ныне это городок Лев Толстой — районный центр Липецкой области. Здесь провел последние дни жизни Лев Николаевич Толстой, стопятидесятилетие со дня рождения которого будет в 1978 году отмечать наша страна и весь мир.

А в ноябрьские дни 1910 года на станции Астапово разыгрались трагические события.

* * *

Платформа узловой станции. На фасаде здания вокзала двое часов. Одни современные, электрические. Рядом другие — старинные, в деревянном резном футляре. С ручным заводом. Они всегда показывают 6 часов 05 минут. Их остановили навечно утром 7 ноября 1910 года, на мгновении, когда здесь, в бывшем Астапове, умер Лев Николаевич Толстой. С той поры уже никто не заводил их. И в зале ожидания похожие часы тоже остановлены на 6.05. Он заходил сюда, присел на скамейку... И я мысленно переношусь на 65 лет назад...

...Холодный осенний вечер 31 октября 1910 года. К платформе подходит товарно-пассажирский поезд № 12. Из вагона второго класса выскакивает господин средних лет, с бородкой. Он мечется среди небольшой группы местных жителей, пришедших встретить поезд, и спрашивает, где найти начальника станции. Ему указывают на небольшой пристанционный домик, огражденный желтым штакетником, совсем рядом с железнодорожными путями. Проводник вагона, откуда вышел господин, уже что-то шепнул дежурному по станции. И по перрону пронесся говор: «Едет граф Толстой».

...Скромная казенная квартира железнодорожного чиновника Ивана Ивановича Озолина. Иван Иванович, интеллигент, 36 лет, обременен большой семьей, бородат, лицо усталое, взгляд грустный. Муж, жена и дети ужинают в полутьме, экономя керосин. Иван Иванович не совсем здоров. Ему докучает расспросами зашедший к нему местный богач Курнашов. Утренние газеты принесли сенсацию: «Лев Толстой ушел из Ясной Поляны. Настоящее местопребывание его неизвестно».

— ...Ну, Иван Иванович, и отчудил же старик! — гудел Курнашов.— Ниспровергал, отвергал, а под конец жизни?.. Уж не в монастырь ли ушел?..

Озолин молчал. Он боготворил Толстого и теперь был опечален. В это время в комнату вошла служанка Марта, она же няня малолетних детей, и сообщила, что хозяина спрашивает какой-то барин.

— Проси,— сказал Озолин.

Вошел господин с бородкой, отрекомендовался:

— Душан Петрович Маковицкий, домашний врач графа Толстого,— и торопливо сказал:— Господа, Лев Николаевич следует этим поездом. В дороге он простудился, заболел. У него высокая температура... Дальше ехать не может. Ради бога, укажите, где можно снять комнату, хотя бы на короткий срок!..

Озолин, потрясенный, вскочил.

— Гостиницы в Астапове нет... Но я с готовностью предоставлю свою квартиру... К сожалению, здесь шумно, рядом дорога. Или, может быть, графу будет удобней в вашем особняке, господин Курнашов?— В следующий миг Иван Иванович уже раскаялся. Лицо Курнашова приняло нехорошее выражение, и он раздраженно ответил:

— Мой дом не больница, к тому же я обязан предварительно снестись с Петербургом...— Встал и вышел.

Озолин тотчас принял решение.

— Прошу подготовить комнату, эту, большую, и постель для графа,— сказал он домашним и вместе с Маковицким поспешил к вагону, где на жесткой лавке, накрывшись пледом, лежал Толстой.

А у вагона уже собралась толпа, она все прибывала. Были тут и приказчики и мещане, но более всего собралось железнодорожных рабочих, мастеровых из депо. Полушепотом передавались всякие слухи; кто побойчее, приникал к окнам вагона, надеясь увидеть того, о ком уже десятки лет говорило, спорило, волновалось человечество. И он, при жизни ставший в один ряд с Гомером, Конфуцием, Данте, был здесь, в поезде, в жестком вагоне. Грамотные и безграмотные, униженные и господа понимали, чувствовали, что случилось что-то роковое, трагическое...

Между тем события развивались своим чередом. Душан Петрович сообщил больному, что комната найдена, и представил Льву Николаевичу и двум его спутницам Ивана Ивановича Озолина. (Толстой покинул Ясную Поляну лишь вдвоем с Маковицким, но в деревне Шамордино, где они пробыли сутки у сестры Льва Николаевича, к ним присоединились младшая дочь Толстого Александра Львовна и Варвара Феокритова.) Женщины и Душан Петрович поспешно собирают вещи. А Озолин и дорожный мастер под руки выводят из вагона Толстого. Люди снимают шапки. Лев Николаевич кланяется. «Нести его, нести на руках надо!» — слышится шепот.

...Вот и домик, одноэтажный, с низкими окнами. Большую часть занимал начальник станции с семьей, меньшую — его помощник; к нему и переселились Озолины, предоставив свои комнаты для Толстого.

...Толстой зовет Озолина, берет его руку и пожимает, приговаривая: «Благодарю вас, благодарю вас». Слова эти так тронули Ивана Ивановича, что он заплакал и смог лишь ответить, что все делает с радостью, от души.

В то время, как Лев Николаевич сидел в кресле, ожидая, пока ему постелят, в комнату неслышно вошел господин с чемоданом — старший врач железнодорожной амбулатории Л. И. Стоковский.

— Лев Николаевич, простите ради бога, но я обязан исполнить формальность: заполнить карточку,— сказал он.

— Прошу вас!..

И доктор начинает заполнять бланк. Вот этот бланк под стеклом в одной из комнат астаповского музея Л. Н. Толстого. Слева типографским шрифтом вопросы, справа — ответы, записанные рукой Стоковского:

«Фамилия, имя, отчество — Толстой Лев Николаевич.

Возраст — 82 года.

Должность — граф, пассажир поезда № 12.

Болезнь — воспаление легких.

День составления карточки — 31 октября 1910 года.

Подпись лица, заполнявшего карточку,— доктор Стоковский.

С подлинным верно — печать (подпись неразборчива)».

Формальности выполнены. Толстой ложится в приготовленную для него постель, с которой ему уже не суждено встать. Около больного остаются его дочь и доктор Маковицкий. Все последующие семь дней и ночей Толстой уже не принимает никакого участия в событиях, разыгравшихся на станции Астапово. Он делает последние записи в дневнике, диктует дочери мысли о боге, столь далекие от земной жизни и суеты.

* * *

Неизвестная станция Астапово приковывает к себе внимание всего мира.

Как только весть о том, что граф Толстой заболел и остается в Астапове, разнеслась по станции и поселку, смолкли гудки маневровых паровиков — машинисты перестали подавать их. Крестьяне подходили к домику, предлагая свои услуги, а на станционный телеграф обрушилась лавина телеграмм со всех концов России — с запросами о состоянии здоровья великого писателя. И этот поток рос с каждым днем. Редакция крупной газеты «Русское слово» телеграммой предложила Озолину значительный гонорар за сообщение о том, что происходит в домике. Но Иван Иванович отверг предложение. «Лев Николаевич просил о нем никаких сведений не печатать», — ответил он. Шли сотни телеграмм со всевозможными медицинскими советами, выражением сочувствия. Так реагировали на уход и болезнь Толстого многие честные люди России.

По-своему откликнулись на это полицейские власти.

«Ротмистру Савицкому. Телеграфируйте, кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании, не предназначенном для помещения больных...». Запрашивает жандармский генерал-майор Львов, хотя он уже по донесениям агентов знает, что Толстого приютил в своем домике Озолин.

Открытым текстом дать такую телеграмму побоялись, зашифровали.

Текст любопытный. Человек, подписавший его, действовал весьма хитро. Жандармский генерал, получив сообщение своего агента, должен как-то реагировать. Как? Генерал отделывается формальной телеграммой. В самом деле, какое и от кого нужно иметь разрешение для того, чтобы впустить в дом больного, старого человека? Значит, запрос сделан затем, чтобы подстраховать себя. В случае чего он доложит: «Я не бездействовал, я послал запрос». Дать же прямое указание: «Выдворить из казенного помещения графа Толстого» — Львов не решается. Возможно, что при беседе с губернатором, которая состоялась тотчас же после известия об уходе Толстого из Ясной Поляны, жандармский генерал не прочел на лице своего начальника выражения уверенности. И он выжидает.

Вскоре Львов тайно прибывает в Астапово, где разворачивается битва между церковно-чиновничьей Россией и прогрессивной частью общества. Первых представляют также тайно приехавшие в Астапово два губернатора, вице-губернатор, сам генерал-майор Львов, архиерей Парфений, игумен Варсонофий, жандармский унтер-офицер Филиппов со своей командой и прочие. Они добиваются, чтобы к Толстому был допущен кто-либо из священнослужителей. В противном случае они готовы даже применить силу.

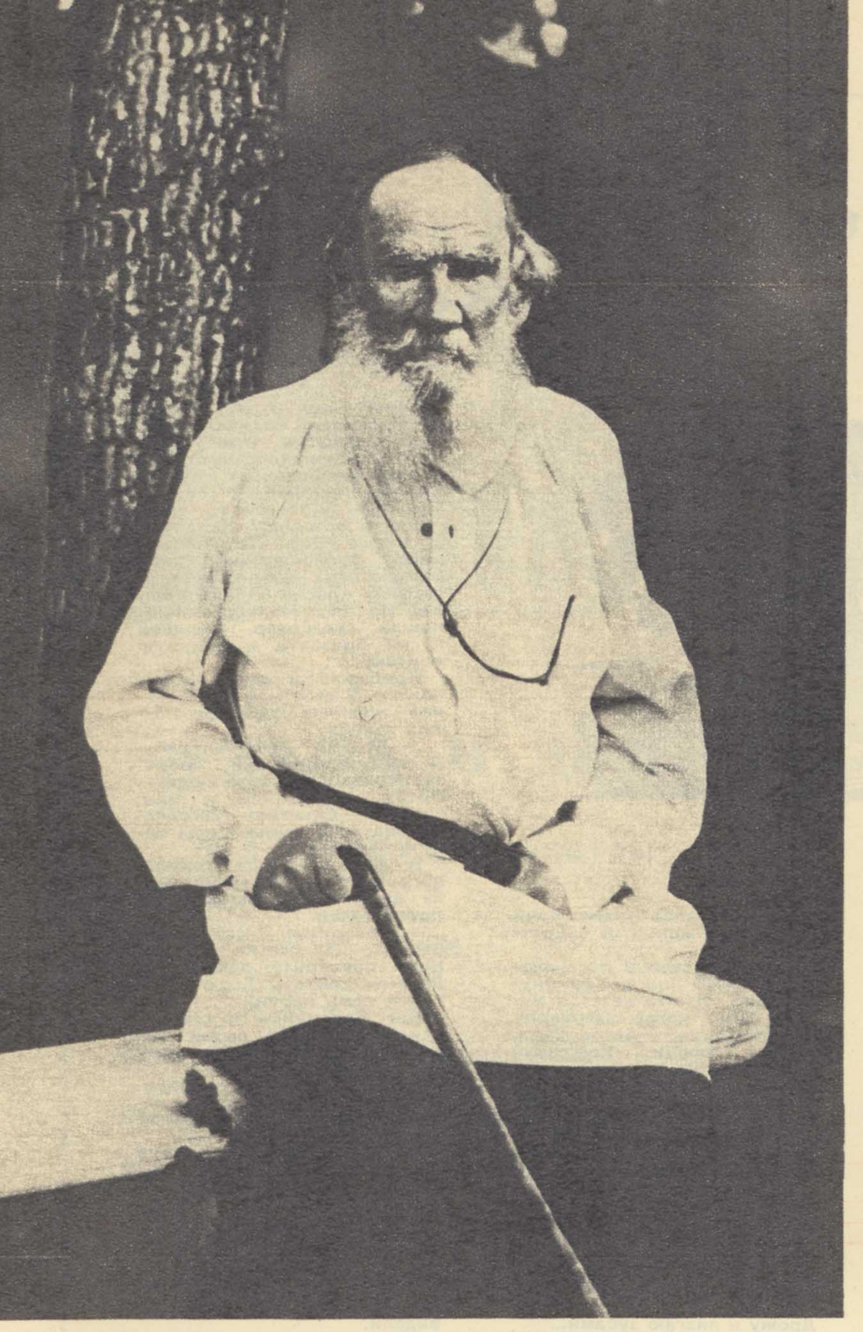
Но для этого им нужно убрать свидетелей — железнодорожников, охраняющих покой больного, и корреспондентов, представляющих десятки газет.

Жандармы приказывают всем посторонним покинуть станцию. Но на дороге имеет власть и железнодорожное начальство. На станции распоряжается Озолин, его поддерживает приехавший в Астапово управляющий Рязано-Уральской дорогой Д. А. Матренинский. Из высших чиновников он единственный, кто ведет себя порядочно и независимо, хотя это грозит ему служебными неприятностями. Он разрешает корреспондентам находиться на станции.

Бывший жандармский полковник, отец Варсонофий начинает действовать. Проникнуть в домик силой на глазах у всей прессы — это значит вызвать мировой скандал. И Петербург не дает такого приказа. Никто не хочет войти в историю явным сатрапом, в том числе и отец Варсонофий. Он предпринимает неудачную попытку подкупа служанки Озолиных Марты, уговаривая ее выкрасть ключ от дома; пытается воздействовать на жену Толстого, Софью Андреевну, которая сама не допущена в домик Озолина. (Дети и друзья Толстого опасаются, что появление ее взволнует Льва Николаевича. В последнем письме к жене Толстой даже просил ее не делать попытки увидеться с ним. И об этом письме было известно детям.) Духовенство плетет сложную интригу...

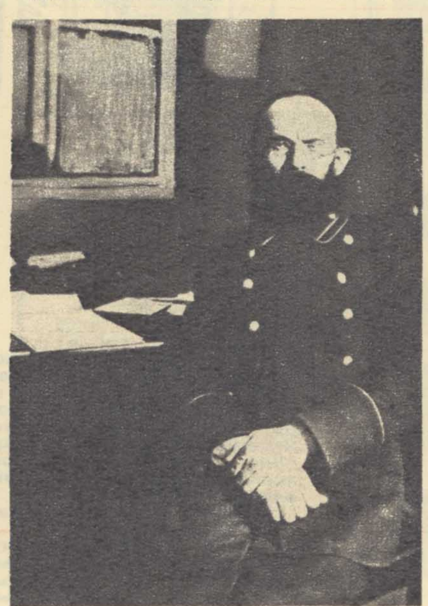
Никто еще не знает, что Толстой все это предвидел и задолго до своего ухода, 22 января 1909 года, записал в дневнике: «Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И потому заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь...»

Публикуемые фотографии предоставлены Государственным музеем Л. Н. Толстого.

Лев Николаевич Толстой в последние годы жизни.

Астаповский домик.

Начальник станции И. И. Озолин.

Софья Андреевна у окна дома Озолина.

ПОЕЗДА №12

Время отсчитывало последние дни и часы великой жизни.

Помните описание последних дней старого князя Болконского в «Войне и мире»? В одну из бессонных ночей увидел он себя юным в расписном шатре князя Потемкина... Быть может, умирая в домике Озолина, Толстой видел свой «шатер»; себя, юного офицера, на знаменитом четвертом севастопольском бастионе? Себя, читающего на Кавказе письмо Некрасова о своей первой повести «Детство»; наконец, счастливым женихом Сонечки Берс? И венчание, и приезд с юной женой в Ясную. Сознание своего безмерного счастья. Безмятежные поездки с семьей в Самарское имение на кумыс...

...Когда заходишь сейчас в этот домик, будто попадаешь в те далекие ноябрьские дни 1910 года.

...В одной из комнат музея сосредоточены экспонаты, посвященные семи астаповским дням и ночам Льва Николаевича. Несмотря на болезнь, он вечером 31 октября делает запись в дневнике: «...Саша и [Варвара Михайловна] забеспокоились, что нас догонят, и мы поехали... Потом сорок градусов температуры, остановились в Астапове. Любезный начальник станции дал прекрасные две [комнаты]».

3 ноября — последнее, что записал Толстой своей рукой: «Ночь была тяжелая. Лежал в жару два дня. 2-го приехал Чертков. Говорят, что Софья Андреевна... Нынче, 3-го Никитин, Таня, потом Гольденвейзер... Вот и план мой. Fais ce que doit adv.....*

И все на благо и другим и, главное, мне».

Больше он уже ничего не писал, а лишь диктовал свои мысли о боге...

Он продолжает свой давний спор с Христом — спорит как равный с равным. Оба они властители дум. Упрекнув Толстого в гордыне, Христос опускается перед ним на колени. Толстой просит его встать и говорит:

— Смотри, что они творят твоим именем. Твои пастыри благословляют убийства. Ты выгнал из храма торговцев, а они вновь призвали их в храм.

Христос в бессилии разводит руками.

— Бог есть любовь, — говорит Христос.

— Бог не есть любовь,— отвечает Толстой,— бог—это неограниченное все, чего человек сознает себя ограниченной частью... — Он задумывается, а потом говорит с укором Христу:—Они поклоняются кресту, а ведь это всего лишь виселица, на которой они распяли тебя. И в храмах они торгуют окропленным вином хлебом и уверяют, что это твое тело и твоя кровь. А сказки о твоем непорочном зачатии? В них уже теперь не верит ни один гимназист. Они еще ходят в церковь, но очень скоро эта вера рухнет, и тогда?

— Наступит безверие и хаос,— шепчет Христос.

— Безверие и хаос уже наступили, — отвечает Толстой.

* * *

Зимний дворец. Николай II и Столыпин. Говорит Николай:

— Петр Аркадьевич, все это происходит потому, что мы отступили от завета нашего покойного родителя. Когда моему батюшке предлагали сослать Толстого в монастырь или посадить в острог, он говорил: «Я не хочу добавлять к его всемирной славе венец страдальца». Это было мудро. Но я оказался слабее, я позволил Синоду уговорить себя.

— Но, ваше величество, в 1901 году, уже после выхода романа графа «Воскресение», покойный Победоносцев не имел иного выхода.

— Не будем о нем. Это святой человек. Но, очевидно, и святые заблуждаются. Мне граф бог знает что писал, но я же не обороняюсь, — говорит царь.

— Ваше величество, в сложившейся ситуации возможно лишь одно — применение силы. Или мы должны смириться с тем, что граф умрет не раскаявшимся. И, следовательно, все многочисленные почитатели его учения...

Николай задумывается.

— Петр Аркадьевич, вы сказали «или», значит, вы сами не уверены, — говорит царь.

— Да, я не уверен, ваше величество.

— Вспомним отлучение графа от церкви. Не только у нас, но и в Европе осудили послание святейшего Синода. Слава Толстого еще более возросла, а курс русского рубля пал... Обыкновенно вы приходите ко мне с готовым мудрым советом.

— Тогда, ваше величество, разрешите представить короткий доклад. — Столыпин подает бумагу.

Николай берет бумагу, бледнеет.

— Но ведь граф еще жив, — говорит он.

— Ваше величество, мы должны по-государственному предвидеть.

— Что нужно от меня?

— Резолюция на всеподданней-

* Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

шем докладе... Она для Европы и для газет. Желательно бы отделить Толстого-гения от Толстого-отступника. Вот проект (подает еще бумагу).

Николай читает:

— «...Душевное сожаление...» Это хорошо, искренне. «...Во время расцвета своего дарования...»

— Здесь подчеркивается именно время, ваше величество, а следующая фраза: «Образы одной из славнейших годин русской жизни» — намек на «Войну и мир»,— объясняет Столыпин.

— Добавим: «Господь бог да будет ему милостивым судьей», — говорит Николай.

Столыпин почтительно склоняет голову.

Резолюция о смерти уже начертана, а Толстой еще жив и произносит фразы, последние в этом мире: «А мужики-то, мужики как умирают»,— сказал и заплакал... Потом: «Есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы видите одного Льва»... И, наконец, последние слова: «Истина... я люблю много... Как они...»

Мы видим фотографии тех лет: Софья Андреевна приникла к окну комнаты. Вдали виднеется фигура жандарма. Сын Толстого — Сергей Львович с матерью на перроне. Рядом — депеша жандармского начальника своим подчиненным в уездный город Данков: «Пятого утром прибыть Астапово с оружием и патронами». Корреспондент «Саратовского вестника» телеграфирует в свою редакцию шестого утром: «Монахи прибыли с дарами, совещались с дорожным священником, ночью тайно пробрались к дому. К Толстому не проникли...»

Игумен Варсонофий в панике: что делать?

Передают, что Варсонофий пытался договориться с друзьями Толстого «по-мирному».

— Господа, поймите чистоту моих намерений,— убеждал он.— Если я, бывший жандармский полковник, оставил мирскую суету и удалился в обитель...

— ...То это еще не значит, что вы перестали быть жандармом,— парирует Чертков.

* * *

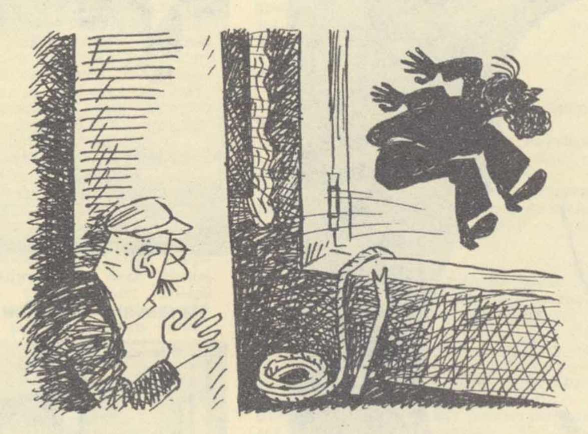
Много скопилось в Астапове чиновников и жандармов. В последние дни прибыли вице-директор департамента полиции Харламов, рязанский губернатор Оболенский; на соседней станции Лебедянь ждал условного сигнала епископ Кирилл Тамбовский.

Все это люди в большинстве образованные, университетские, в юности — отчаянные либералы, прекрасно знавшие не только официально признанные «Войну и мир» и «Анну Каренину», но и запрещенные цензурой статьи и памфлеты Толстого, написанные им после 1881 года, то есть после известного переворота, который произошел в мировоззрении писателя, когда он в своем знаменитом трактате «Исследование догматического богословия» обрушился на официальную церковь и ее служителей. Тогда этим господам было по двадцать лет. Теперь, в зрелом возрасте, достигнув «фиктивных должностей и не фиктивных тысяч», они вовсе не хотели отказываться от этих благ. Но и открыто проявить свою реакционность тоже страшились. Возможно, им было даже неловко друг перед другом, особенно князю Оболенскому: как-никак ветвь декабриста. Уж не дед ли нынешнего губернатора выведен в черновых набросках «Декабристов» Толстого? Все они скованы в своих чувствах генеральскими мундирами и епископскими рясами.

Они в службе и обязаны действовать.

Окончание следует.

Ночной вернисаж

Артур ДЖАЛАН

РАССКАЗ

К искусству я имею, можно сказать, прямое отношение. Много лет работаю в художественном музее. Сторожем. И все шло гладко. Но недавно в нашей сокровищнице было чрезвычайное происшествие. Неслыханный случай!

Пришел я вечером на работу.

— Дядя Митя,— говорит мне директор музея,— вы, пожалуйста, в эти дни будьте особенно внимательны! Завтра у нас открывается выставка произведений молодых художников. Их картины уже висят в залах музея. Всякое может случиться. Будьте бдительны!..

Сижу за столом в углу одного из залов музея. Ночь подходит к концу. Я бодрствую.

Вдруг за стеной послышались чьи-то шаги. Скрипнуло окно. Кто-то лезет в музей. Жду, когда заговорит сигнализация. Автоматика, подлая, молчит. Холодный пот выступил у меня на лбу. Думаю, пора действовать! Хотел крикнуть, но от страха онемел.

— Кто там?! — наконец вырвался из моей груди хриплый звук тромбона.

В зале стояла кладбищенская тишина. Мне стало еще страшнее. Внезапно кто-то глухо чихнул. Я подпрыгнул и чуть не свалился с ног. Сердце ломало ребра. Теперь уж я точно знал, что в музее есть посторонний. Дрожу и лязгаю зубами...

Тут из-за колонны показался человек и сиганул в окно.

Я подкрался к окну. На земле заметил уходящие в кусты сада следы ботинок. Закрыл окно. В это мгновение сработала сигнализация. Она завыла на всю улицу. Через несколько минут подъехала оперативная группа. Два милиционера с собакой кинулись по следам преступника. А остальные остались в музее. Они осматривали место происшествия. Собирали с пола пыль в бумагу, скребли краску с подоконника. На полу оперативники нашли гвоздодер, большой кусок брезента и длинную веревку.

Прибежал в музей и директор. В этот момент зазвенел телефон. Директор поднял трубку.

— Да, да! — кричал он.— Я слушаю. Поймали, говорите? Молодцы! Везите сюда! — Потом, обращаясь к нам, сказал: — Схватили негодяя! Собака след взяла. Сюда везут!

В девять часов пришли организаторы выставки, возле дверей уже была толпа посетителей.

— Товарищи! — сказал директор.— Никого не пускать! Надо проверить экспонаты! Давайте считать. Было здесь сорок семь картин.

Все бросились к стенам.

— А сейчас сорок восемь! — недоуменно выкрикнул кто-то.

Тут в дверях музея появились два милиционера и человек с бородой и длинной шевелюрой.

— Это он! — воскликнул председатель жюри.

Мы удивленно переглянулись.

Председатель жюри еще раз лихорадочно оглядел картины, одну снял со стены и протянул ее бородатому.

— Возьмите! — сказал он.— И уходите, чтоб мы вас не видели.

Присутствующие замерли в недоумении.

— Это художник Кисточкин! — объяснил нам председатель.— Мы не приняли его картину.

После выступлений «Огонька»

В № 51 «Огонька» за 1975 год был опубликован фельетон «Пешком на небо». В нем шла речь о плохой работе лифтов в жилых домах, гостиницах и административных зданиях ряда городов. Отмечались также грубость и бестактность, проявленные в тресте «Рослифтремонт» в отношении корреспондента.

Коллегия Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР обсудила фельетон и приняла соответствующее постановление. Критика в основном признана правильной. В постановлении сказано, что Главное управление жилищного хозяйства и трест «Рослифтремонт» ослабили контроль за работой лифтов, особенно в гостиницах, административных зданиях и ведомственных жилых домах. Из-за медленного внедрения системы диспетчерского обслуживания только 63 процента лифтов действуют круглосуточно. Нередко подъемные кабины простаивают по причине плохого ремонта и недостатка обслуживающего персонала.

Коллегия обязала начальника Главжилуправления В. В. Михайловского устранить перечисленные недостатки, помочь тресту «Рослифтремонт» укрепить его производственную базу, а также расширить проектно-конструкторское бюро.

Управляющему трестом «Рослифтремонт» Б. Ф. Скрипке предложено усилить контроль и повысить требование к качеству ремонтных работ, обеспечить своевременную профилактику лифтов. Его отчет за первое полугодие 1976 года будет заслушан на коллегии.

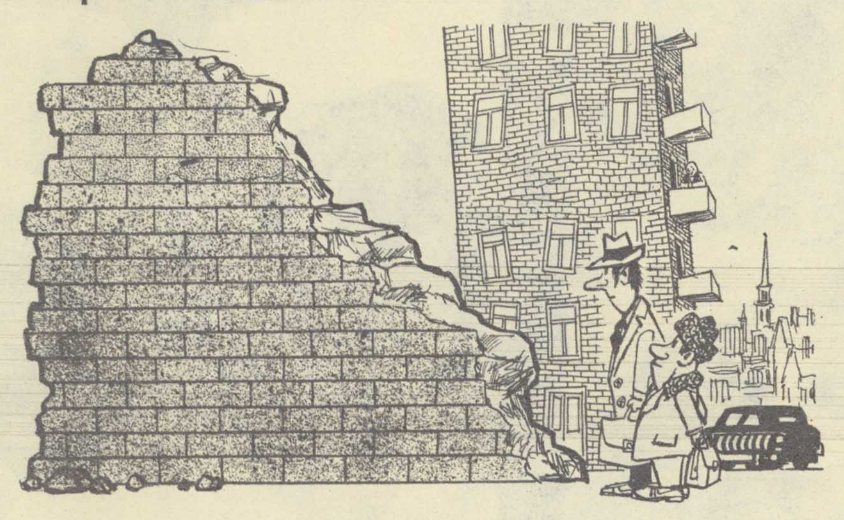
К 15 апреля этого года Главное управление предприятий коммунального обслуживания должно проверить в гостиницах часы работы лифтов и, где возможно, перевести их на круглосуточный график.

Заместителю управляющего трестом «Рослифтремонт» В. В. Медведеву строго указано на допущенную им бестактность в отношении корреспондента журнала.

Фельетон «Пешком на небо» обсужден на расширенном заседании партийного бюро треста «Рослифтремонт», на котором намечены меры по устранению недостатков.

Редакция также получила ответ заместителя министра жилищно-коммунального хозяйства РСФСР В. П. Семина.

Сергей **МИХАЛКОВ**

СТЕНА И ДОМ

(К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ)

БАСНЯ

Остаток крепости — кирпичная стена
На древней площади мешала горсовету.
И вот взорвать решили стену эту,
Чтоб вид на новый дом не портила она.
Решенье принято. Назначен день и час.
И площадь древнюю однажды взрыв потряс.
Но вид на новый дом при этом не открылся —
Стена осталась как была,
Она лишь трещину дала.
А новый дом напротив... развалился!

Я к тем строителям свой обратил упрек,
Что строят тяп да ляп, чтоб только сляпать в срок.

Рисунки И. СЕМЕНОВА

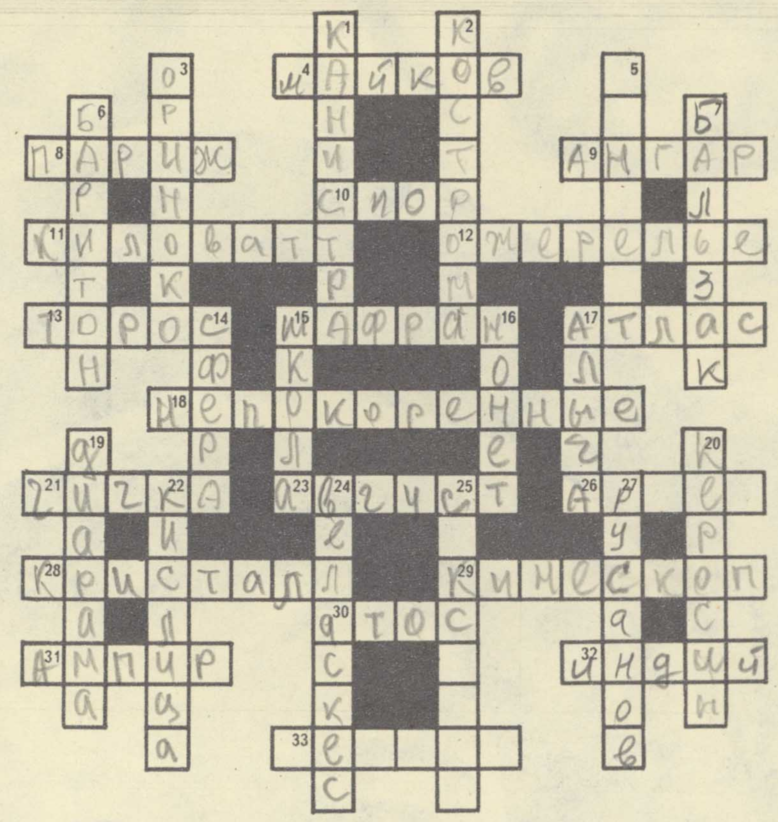
КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Русский поэт XIX века. 8. Столица европейского государства. 9. Помещение для самолетов. 10. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 11. Единица мощности электрического тока. 12. Украшение из драгоценных камней. 13. Ледяная глыба. 15. Сорт яблок. 17. Сборник географических карт. 18. Повесть Б. Горбатова. 21. Быстроходная легкая гребная шлюпка. 23. Месяц года. 26. Гуцульский танец. 28. Твердое тело, имеющее форму многогранника. 29. Телевизионная трубка. 30. Персонаж романа А. Дюма «Три мушкетера». 31. Стиль в архитектуре. 32. Химический элемент. 33. Рыба семейства карповых.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Бак для бензина, технического масла. 2. Областной центр в РСФСР. 3. Река в Южной Америке. 5. Музыкальное произведение для сольного инструмента и оркестра. 6. Мужской голос. 7. Французский писатель. 14. Поверхность шара. 15. Учебное заведение. 16. Ансамбль из девяти исполнителей. 17. Плодовое дерево. 19. Картина с объемным первым планом. 20. Продукт перегонки нефти. 22. Растение, содержащее щавелевую кислоту. 24. Испанский живописец XVII века. 25. Экваториальное созвездие. 27. Русский полярный исследователь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Гражина». 8. Оперетта. 9. Лигатура. 10. Анабас. 12. Ганна. 14. Павлин. 15. Монтана. 16. Доломит. 17. Данко. 18. Гротеск. 20. Ротонда. 22. Соболь. 24. Варна. 27. Ангара. 29. Клубника. 30. Амундсен. 31. Долгота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Байдара. 2. Микулин. 3. Спаржа. 5. Куртка. 6. Сопрано. 7. Горелки. 11. Стапель. 12. Гладков. 13. Андорра. 14. Палатка. 19. «Рыболов». 21. Диаметр. 23. Лебедь. 25. Алаколь. 26. Нуакшот. 28. Неделя.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Евгений Кузьмин и Олег Иваненко моделируют космические аппараты. (См. в номере фотоочерк «Этот манящий мир».)

Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Хохлома. Художник С. П. Веселов.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/III — 1976 г. А 00638. Подп. к печ. 16/III — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 750. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1876.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Толя Хоробрых из клуба «Юный космонавт».

На Земле рисуют дети
Все, как есть на белом свете.
Из Пионерского салюта
XXV съезду КПСС.

ЭТОТ МА

Им по шесть лет. Их увлечение — художественная гимнастика.

НЯЩИЙ МИР

Все хотят быть Третьяком.

О. ШМЕЛЕВ, фото И. ТУНКЕЛЯ

Вот стоит он, завороженный маленький человек, на пороге манящего огромного и неведомого ему мира. Его ум и душа пока неопытны. За его узенькими плечами только опыт, приобретенный в общении с игрушками.

В детских играх, как небо в глазах, отражается большая жизнь. Так было, так есть, так будет всегда. А потом великий процесс познания продолжается уже не при посредстве игрушек, этих неодушевленных подобий, оживляемых лишь могучим детским воображением. В школах и пионерских дворцах — сама живая жизнь.

Дети воспитываются действительностью. Становясь взрослыми, они приходят в большую жизнь, как в родной, уже знакомый дом. Это закон, и никто, скажем, не удивлялся той, в сущности, удивительной перекличке, которая прозвучала, когда пионеры салютовали съезду партии:

— Володя Семенов!

— Во время пожара третьеклассник Володя смело бросился в огонь и спас колхозных коней. Награжден медалью «За отвагу на пожаре».

— Толя Попович!

— Пятиклассник Толя вместе с товарищами создал модель линии механизированной упаковки стальных листов. Награжден медалью ВДНХ.

— Володя Побожий!

— Вместе с товарищами Володя вывел новый сорт пшеницы «пионерка». Награжден медалью ВДНХ.

Это норма нашего бытия, это привычно. Говоря языком естествоиспытателей, мир взрослых и мир детей — сообщающиеся сосуды, уровень в которых одинаков.

...Те, кому сегодня за пятьдесят, наверное, помнят, каким редкостным счастьем было взглянуть на уроке ботаники в окуляр микроскопа. В целом квартале улицы, на которой я жил до войны, была одна семья, по тем временам отмеченная печатью исключительности: она обладала приемником, ловившим три радиостанции.

Статистике неизвестно, сколько микроскопов — в том числе электронных — приходится ныне на душу населения в СССР, но, во всяком случае, этот прибор давно стал почти такой же обыденной вещью, как очки, а о радиоприемниках и говорить нечего — люди жалуются, что они мешают слушать пение птиц, шелест листьев и рокот морского прибоя.

Да что там сравнивать с довоенными временами! Вернемся всего на двадцать лет назад. Разве предполагали мы тогда, что наши нынешние дети станут конструировать модели сверхзвукового пассажирского ТУ-144 и атомных ледоколов, строить свои луноходы и мечтать о космических полетах! А они уже не мечтают — они деловито готовятся к ним в своих школах и дворцах. Разве могли мы себе представить, что семилетний первоклашка — не вундеркинд, а самый что ни на есть обыкновенный — сумеет решать уравнения с одним неизвестным!

Неудобно уже вспоминать о недоросле Митрофане и его амбициозной маменьке госпоже Простаковой, уверенно полагавшей, что «еографию» знать вовсе незачем, ибо есть извозчики, которые всегда довезут куда надо. Помянуть их стоит разве лишь потому, что господа Простаковы еще два века назад четко сформулировали принципы, по которым ныне живет «общество потребления», высочайший идеал которого — приобретательство. Право, не верится, но это факт: опрос, проведенный по поручению сената Соединенных Штатов Америки, показал, что всего лишь сорок пять процентов отвечавших на анкету 17-летних школьников знали, для чего служит трансформатор. Действительно, к чему помнить о подобных вещах, какая от них польза, если для того, чтобы зазвучала оглушающая музыка, достаточно воткнуть в штепсель вилку электрогитары и ударить по струнам! Есть и у нас такие любители-потребители, но сколько их!

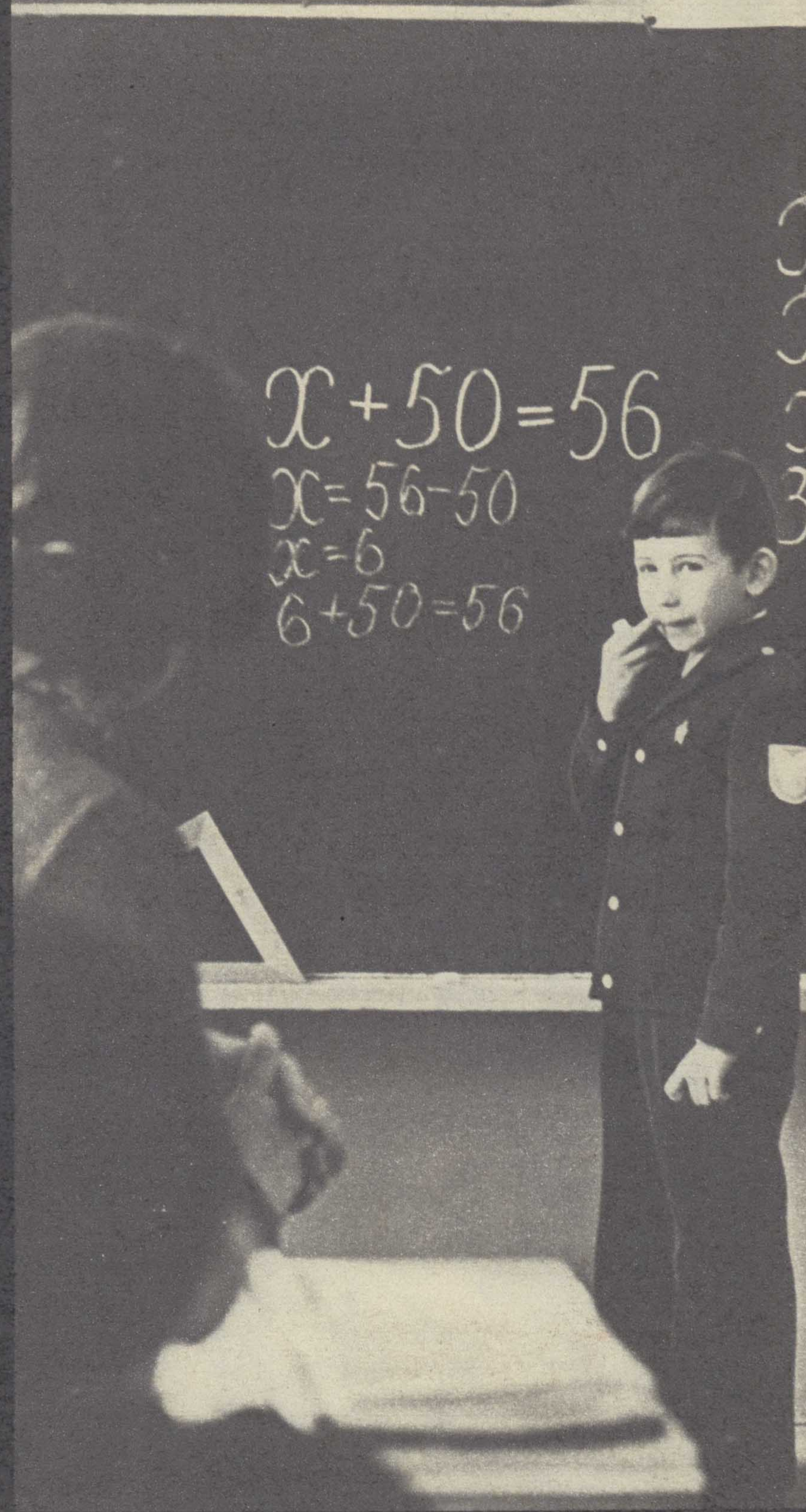
Наши малыши и юные относятся к знаниям и жизни иначе. Научно-техническая революция не просто коснулась их — она стала воспитывающей силой. Побывайте на занятиях школьных кружков, загляните в любой детский дворец, как мы заглянули в Московский городской Дворец пионеров,— вас поразит, сколь далеко ушли нынешние дети по сравнению со своими сверстниками, например, «образца 1960 года».

Однако не нанесут ли машинизация и автоматизация ущерба нравственному развитию и совершенствованию подрастающего поколения! Иногда ведь можно услышать суждение, что, мол, нынешние молодые люди стали суше, черствее душой, и виноват в этом электронно-атомный век.

Нет, советское общество первой своей заботой почитает заботу о гармоничном развитии человеческой личности. Что касается якобы усилившейся душевной черствости — мы назвали бы это рационалистичностью мышления,— то можно привести в ответ слова опять-таки из Пионерского салюта съезду:

Теперь акселерация,
И дети поумнели,
Но с горки покататься бы
Неплохо, в самом деле!

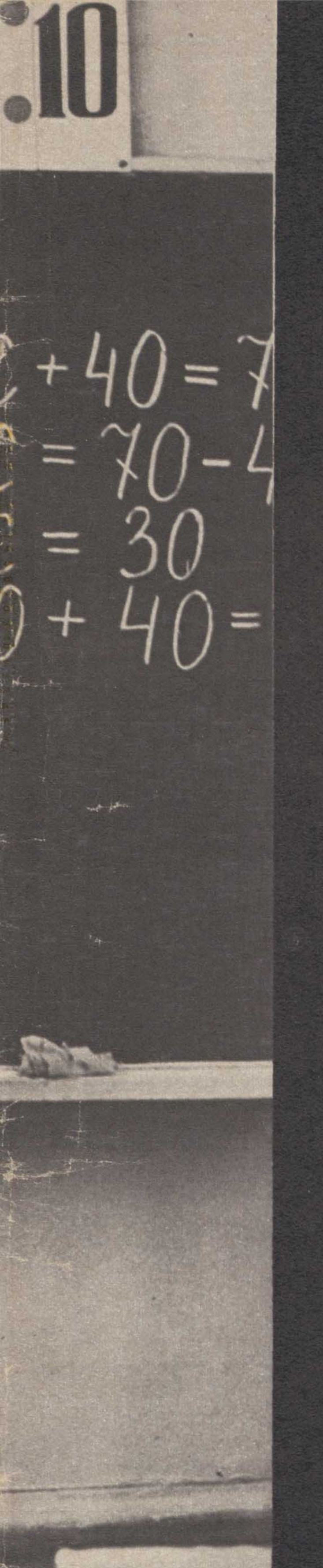
...Вот стоит он на пороге огромного зовущего мира, маленький человек. Он придет в наш хорошо обустроенный дом, но и ему предстоят загадки и открытия, его ждет любовь и борьба, трудности и радости. Представим себе его земные и космические пути — и позавидуем ему.

Уравнение решает Сережа Юфа, ученик 1-го класса 229-й школы.

Они еще не ходят в школу, но их уже учат играть в шахматы.

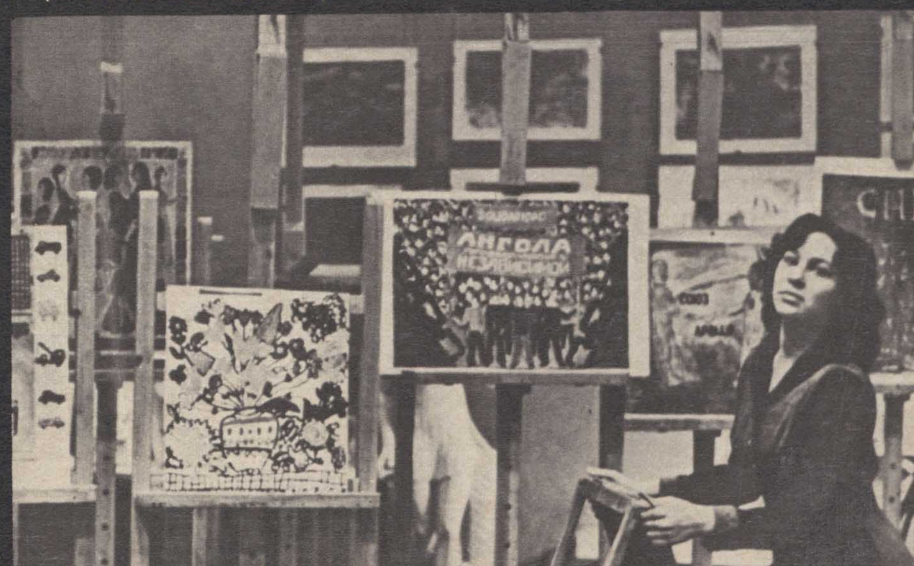

В Московском Дворце пионеров работает и кружок прикладной математики и программирования. Душой его считают Станислава Рачинского, девятиклассника, помощника руководителя кружка.

Нэдя Вострякова и Милана Казакова занимаются тонкими биологическими исследованиями.

Тут уместно повторить строки эпиграфа: «На Земле рисуют дети все, как есть на белом свете».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663